

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е.А. Вишленкова, К.А. Ильина

**«ВОСПРОИЗВОДСТВО СЕБЕ ПОДОБНЫХ»
В РОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Препринт WP6/2011/04

Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва

2011

УДК 378(09)
ББК 74.03
В55

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

В55 Вишленкова, Е. А. «Воспроизводство себе подобных» в российских университетах первой половины XIX века : препринт WP6/2011/04 [Текст] / Е. А. Вишленкова, К. А. Ильина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 52 с. – 150 экз.

В данной статье внимание сфокусировано на таком аспекте формирования университетской корпоративности, как каналы рекрутирования и способы воспитания студентов в российских императорских университетах первой половины XIX века. Исследование проведено на архивах Казанского, Московского, Харьковского университетов и Министерства народного просвещения с привлечением опубликованных мемуаров. Авторы определили меняющиеся критерии отбора абитуриентов, оценки знаний и поведения студентов, их наказания и поощрения. Благодаря этому выявились дидактические идеалы профессоров, их воззрения на цели университетского образования, видение ими собственной социальной миссии.

УДК 378(09)
ББК 74.03

В данной научной работе использованы результаты проекта «Университет как корпорация: эволюция институциональных характеристик в XIX–XXI вв.», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 г.

Вишленкова Елена Анатольевна – Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Ильина Кира Андреевна – аспирантка Казанского (Приволжского) федерального университета.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>.**

© Вишленкова Е. А., 2011
© Ильина К.А., 2011
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

Главной функцией университета в любой стране и в любую эпоху является воспроизводство интеллектуалов и формирование местной культурной элиты. Исторически меняются лишь субъекты, осуществляющие контроль над этими процессами. Обладая административной и финансовой автономией, средневековый университет мог исходить из собственных учебных возможностей, а профессора могли сами решать, какими будут их воспитанники. В эпоху Нового времени, с одной стороны, политическая власть оказалась заинтересованной в интеллектуалах и их деятельности, а с другой стороны, университетская эзотеричность и корпоративные привилегии, покрывавшие безразличие профессорской корпорации к учащимся, привели к кризису западных университетов. Их модернизация в XVIII веке была направлена на повышение «усердия профессоров» и сопровождалась введением государственного контроля над обучением и воспитанием студентов¹. «Одной из задач немецкой реформы образования, – писал об этом Д. Александров, – было создание эффективного механизма контроля над учеными, а особенно над студентами, которые были очень непокорной группой городского населения»².

Действительно, Вильгельм фон Гумбольдт признавал за благо регулятивную функцию государства по отношению к университетским корпорациям. Он считал, что именно оно в состоянии обеспечить «свободу преподавания и обучения» – идеальное условие для университета. В его версии государство должно охранять эту свободу, но не быть препятствием академическому развитию. В университете «студенты пользуются свободой, в первую очередь, в отношении умственных занятий. При этом они не подвергаются никакому принуждению; никто их не погоняет, но и ничто перед ними не закрыто, – мечтал один из теоретиков университетского образования Ф. Шлейермахер. – Никто не приказывает им посещать те или иные учебные часы; никто не может упрекнуть их, если они это делают небрежно или вовсе не делают. Над всеми их занятиями нет никакого другого контроля, кроме того, который они сами добро-

---

¹ A History of the University of Europe. Vol. 3. Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945). Cambridge, 2004.

² Александров Д. Места знания: институциональные перемены в российском производстве гуманитарных наук [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/alek21.html> (дата обращения: 11.11.2010).

вольно предоставляют своему преподавателю. Они знают, что от них потребуется, когда они будут покидать университет, и какие экзамены им предстоят – но с каким рвением они захотят готовиться к этой цели, и как его равномерно или неравномерно распределить, это остается полностью на их собственном усмотрении»³.

В нарисованном воображении немецких реформаторов идеальном «университете науки» профессор не был университетским полицейским с карательными функциями. «Не преподаватель присутствует для учащегося, – убеждал Гумбольдт чиновников, – но оба они для науки». Главным условием для реализации этой социальной утопии было соглашение трех сторон: осознающих пользу знания чиновников, преданных науке учащихся и стремящихся стать учеными учащихся.

В России, где университет изначально являлся государственным учреждением, профессора ощущали себя не столько свободными служителями науки, сколько исполнителями заказа правительства. На языке начала XIX века он формулировался как «воспитание новой породы людей». А на аналитическом языке современного социогуманитарного знания это семантически близко к понятию «социальное проектирование»⁴.

Разработанные в первой половине XIX века многочисленные правила для студентов дают свидетельства не столько реального поведения воспитанников, сколько подписанного между чиновниками и профессорами договора о том, какие государственные потребности должна покрывать университетская продукция. Выработанные стандарты её качества были продуктом совместного творчества. Как правило, Министерство народного просвещения заказывало изготовление таких текстов самим университетам, оставляя за собой право их редакции.

Министерский архив содержит богатый комплекс регламентирующих документов, направленных на принуждение студентов соответствовать дидактическому идеалу. В них содержатся ответы на всё: где студенту ходить, что и когда есть, где и когда спать, какими заниматься науками и с кем общаться, какие личные вещи иметь, как выглядеть. В них есть жесткий контроль над временем и пространством студенческой жизни.

Поскольку министерство вменяло разработку этих положений в обязанность профессорам, то кажется, что понуждение, плотный контроль

---

³ Шлейермахер Ф. Из сочинения «Размышления об университете в немецком смысле» // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: учеб. пособ. / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М., 2011. С. 524–525.

⁴ Луков В.А. Тезаурусная концепция социального проектирования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/gumtech/projection/articles/2007/Lukov/3/> (дата обращения: 11.11.2010).

и регламентирование был отечественный способ просвещения. Сейчас, действительно, довольно трудно определить, в каких ситуациях профессора действовали по приказу, а в каких по убеждению. Во всяком случае, они составляли расписания лекций, следили за соблюдением распорядка дня, добивались посещаемости своих занятий и выполнения заданий, наказывали воспитанников, определяли время вакансий и экзаменов, а в случае с казеннокоштными учащимися контролировали внеучебное время студюзов.

Идеалы менялись в течение исследуемого времени, но неизменным оставалось желание изготовителей иметь в своём распоряжении податливый человеческий материал. Как правило, исходная культура пришедших в университет недорослей мало интересовала создателей инструкций, разве что в качестве отрицаемого негативного опыта («природные пороки»). Это было то, что в стенах университета должно быть уничтожено или перекодировано. Другое дело, что таковые намерения просветителей, по-видимому, наталкивались на сопротивление «материала», что, в свою очередь, провоцировало изобретение всё новых средств дисциплинарзации, пересмотр критериев оценки воспитанников и ужесточение норм студенческого поведения в университете.

Изучение университетских архивов (текстов постановлений и распоряжений Министерства народного просвещения, попечительских и профессорских проектов, отчетов инспекторов студентов, ведомостей об успеваемости) позволяет увидеть напряженную работу министерских чиновников и преподавателей над студенческой массой, над упорядочиванием её «природного хаоса». И поскольку построение иерархий есть один из способов управления, их анализ позволяет понять, как, в отличие от немецких реформаторов, российские профессора и министерские чиновники смотрели на студентов, что видели и чего не видели в них, чем определялась сама их способность видеть.

Профессорское нормотворчество

Первые студенческие правила были разработаны профессорами Московского университета для присяги 1765 года⁵. От студента требовалось соблюдение корпоративных норм: повиновение начальству, почитание

---

⁵ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. М., 1960–1963. Т. 2. С. 81–82.

наставников, соблюдение истого благочестия, прилежание в науках, трезвое и скромное поведение. Для поддержания корпоративной чести он должен был прилично и опрятно одеваться, поступать «как надлежит человеку благородному и свободного состояния». Для разъяснения выходцам из разных социальных слоев, что такое «благородство», использовалось понятие «подлость», которым обозначалась культура неучей. Искореняемый в университете «подлый образ жизни» включал пьянство, пирушки, шумные сборища, игры в карты, в кости и подобные им увеселения, мстительность, обидчивость, драчливость.

В проекте 1755 года просвещенные сановники выражали надежду, что студенты смогут «порядочно окончить науки», не совершая при этом «непорядочных» (противоречащих установленным для них нормам поведения) поступков. Все учащиеся были поделены на своекоштных и казеннокоштных. Казенные студенты содержались на стипендию (дворянскую, разночинскую или гимназическую). Эта категория учащихся (аналога которой не было в европейских университетах⁶) была введена правительством для обеспечения страны учителями и преподавателями (отучившийся за казенный счет студент был обязан отслужить там, где сочтет нужным начальство).

В отличие от государственных чиновников, тогдашние профессора делили студентов по сословному признаку на «дворян» и «разночинцев» (крепостных крестьян без увольнительного письма от помещика в университет принимать запрещалось). В случае освобождения казеннокоштных мест у Конференции профессоров была возможность перевести на лучшее содержание тех, кто был «довольной остроты ума, известного прилежания, доброго жития, честных и похвальных поступков»⁷. Кроме того, у своекоштных студентов имелась возможность получения «экстраординарной стипендии» за особые успехи. Её выделение зависело от совместного решения государственного куратора и профессоров⁸. Это имело два следствия. Во-первых, в университете существовала реальная связь между интеллектуальными способностями и полученными наградами. Во-вторых, воспитанники считали, что их поощрение или наказание зависит от профессоров, что увеличивало ресурс власти наставника.

---

⁶ Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 259.

⁷ Документы и материалы... Т. 2. С. 39.

⁸ Там же. Т. 3. С. 92, 168, 190, 267, 297, 356, 411.

В XVIII веке государственный контроль над деятельностью университетских интеллектуалов осуществлялся посредством профессорских отчетов. Ежегодные ведомости «о студентах и о их летах, о успехах и прилежании их в науках и о поступках и благонравии», а также сведения «о больных, не явившихся из отпусков, находящихся в самовольных отлучках, штрафованных и содержащихся в карцере или под караулом» преподаватели направляли на имя куратора. В силу прецедентного характера тогдашнего бюрократического мышления в этих текстах правительственных чиновников больше всего интересовал раздел о провинившихся, о характере их деяний и упорстве в преступлениях («сколько раз в оных оказались»)⁹.

Что касается профессоров, то пока у них было хоть ограниченное, но самоуправление, они опасливо относились к признакам корпоративности у учащихся и пресекали ростки студенческой солидарности. Во всех ссорах и конфликтах воспитанник должен был обращаться за помощью к «законному начальству», а не к друзьям. Солидарность мыслилась как свойство взрослых и опытных «мастеров». В связи с этим профессора надеялись, что их питомцы «никогда в жизни не станут ни злоумышлять, ни делать ничего такого, что послужило бы [...] к умалению или оскорблению устава, достояния или чести университета». Помимо этой присяги, историк Московского университета С.П. Шевырев упоминал о правилах 1771 года¹⁰. Однако их не удалось обнаружить в архивных фондах.

Когда правительство учредило университеты в российских провинциях, то набранным туда на службу профессорам было не до выяснения отношений с воспитанниками. Самой насущной проблемой стало обеспечение необходимой квоты в 40 казенных студентов. Например, в Казани профессора всерьез опасались, что из-за недостатка желающих учиться университет может быть закрыт. Визитации училищ и гимназий округа они использовали для рекрутирования учеников, которые «хорошую подавали надежду успехами своими и поведением». Такие гимназисты получали на заседании профессорского совета статус «в студенты назначенные». Под этим определением, по мнению попечителя С.Я. Румовского, следовало понимать «ученика в гимназии обучающегося и готовящегося к слушанию Профессорских лекций, которому время еще не пришло по-

---

⁹ Там же. Т. 2. С. 39.

¹⁰ Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1855. С. 182.

ступить в Университет, поелику прием Студентов бывает единожды в году»¹¹.

Кроме этого, источником набора студентов были частные занятия профессоров. В ходе них казанские преподаватели Г.Н. Городчанинов, Г.Б. Никольский, И.Ф. Яковкин, Д.М. Перевозищikov выдавали ученикам письменные свидетельства о том, что они уже прослушали курс лекций и прошли испытание. Такая бумага удостоверяла университетский совет, что её обладатель «оказался достойным быть включенным в число Студентов»¹². А мемуары воспитанников тех лет дают немало свидетельств о записи в университет «по знакомству» и рекомендательным письмам¹³.

Во вновь основанных университетах профессора требовали от футурусов только одного – способности понимать лекции. Причины студенческой неспособности к их восприятию они почти никогда не искали в себе, а только в недостатках гимназического образования. До 1819 года этот вопрос обсуждался на профессорских заседаниях спорадически. Например, в первые годы после учреждения университета в Казани попечитель С.Я. Румовский не раз требовал от директора местной гимназии улучшить качество преподавания латинского языка и увеличить количество учеников в латинских классах. Академик считал, что знание латыни гарантирует способность гимназистов учиться в университете. Однако отдельные меры желаемого результата не принесли.

Вспомнив о средневековой традиции философских факультетов, в 1811 году харьковские профессора предложили потратить два года из трехлетнего обучения на «приуготовительные курсы» и тем самым получить больше подготовленных слушателей¹⁴, на что чиновники Главного управления училищ дали отрицательный ответ, сочтя, что такая практика противоречит государственным интересам и будет непродуктивной тратой казенных средств¹⁵.

Компромисса между интересами правительства и желаниями профессуры предполагалось достичь во время вступительных экзаменов. В по-

---

¹¹ Отзывы И.Ф. Яковкина о студентах, 1811 // ОРРК НБЛ КФУ. № 5728. Л. 3.

¹² Документы лиц, принятых в университет и об отчислении студентов, 1814 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Ед. хр. 171. Л. 27, 28, 31.

¹³ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний // Вестник Европы. 1884. Т. 16. С. 331.

¹⁴ Дело о принятии мер для лучшей подготовки студентов университета к государственной службе, 1811 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 140. Л. 1–1 об.

¹⁵ Дело об установлении порядка приема в университет, 1819–1820 // Там же. Ед. хр. 360. Л. 6.

становлениях министерства есть рекомендация отбирать кандидатов по знаниям, невзирая на их оценки в гимназических аттестатах¹⁶. В те годы М.Л. Магницкий писал: «Я бы желал так же, чтобы прием студентов из Гимназии был не так снисходителен; дабы профессора не были обязаны делать с ними дела Старших учителей. А для сего непременно нужно, чтобы каждый из преподавателей главнейше участвовал в удостоении переводимых из гимназии учеников. Пусть лучше меньше студентов; но не будет опять гимназии в университете»¹⁷. В отличие от профессоров представитель министерства не был заинтересован в расширении штата университета и увеличении его ассигнования. Его интересовало только качество продукции: «пусть лучше 10 хороших студентов, – предписывал он, – чем 100 гимназистов, пересаженных в аудиторию»¹⁸.

Желая и правительству угодить, и себя не обидеть, совет Харьковского университета предложил экзаменовать выпускников гимназии по всем предметам, но – «слегка». Более строгий экзамен следовало проводить только по предметам избранного факультета. Соответственно, футурусам следовало записываться не в университет вообще, а на конкретную специальность. И поскольку приемные экзамены не только сокращали число будущих слушателей, но и увеличивали объем работы профессоров, то они попытались сократить ее посредством проведения «группового экзамена» (для 10 абитуриентов одновременно). Это не понравилось министерским чиновникам, увидевшим в данном предложении манкирование служебными обязанностями. В присланном из Петербурга предписании говорилось, что при таком испытании не будет пользы университету, да и у юношей может «испариться охота к учению»¹⁹.

Правительственные чиновники ревностно следили в университете за соблюдением государственного интереса, подозревая профессоров в некотором мошенничестве и либо пресекая их «саботаж» собственными силами, либо обращаясь за помощью к вышестоящему начальству. Так, казанский попечитель М.Н. Мусин-Пушкин информировал министер-

---

¹⁶ Дело об осмотре попечителем Харьковского учебного округа университета и других учебных заведений округа, 1824–1826 // Там же. Ед. хр. 541. Л. 5.

¹⁷ Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, 18 августа 1821 // ОРК НБЛ КФУ. № 4777. Л. 6 а об.

¹⁸ Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, 11 октября 1821 // Там же. Л. 9.

¹⁹ Дело об установлении порядка приема в университет, 1819–1820 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 360. Л. 15 об.

ство, что профессора разными путями обходят постановления начальства. В частности, он выяснил, что в Казанский университет «принимались в студенты молодые люди с недостаточными предварительными сведениями в особенности в языках»²⁰.

При проверке обнаружилось, что записанные в студенты выпускники гимназии не были готовы к «переводу в университет» (потом они были оставлены в гимназии еще на год²¹). Попечитель был возмущен тем, что профессора экзаменуют абитуриентов у себя дома (вернее, в служебных квартирах в здании университета), спрашивают их по отдельным наукам, а не по всему курсу. По его приказу профессорский совет разработал государственную программу экзаменов «для вступления в университет» (единую для всех факультетов, кроме врачебного, который использовал программу Медико-хирургической академии). Отредактированная и одобренная министерством, она требовала, чтобы в студенты зачисляли только гимназистов «в полном смысле достойных сего звания и могущих с пользою слушать лекции Профессоров». Чтобы удостоверить комиссию в этом, футурусу предстояло ответить на вопросы по 15 предметам гимназического курса.

После такого ужесточения условий приема даже в Московском университете произошел недобор слушателей. В 1835 году попечитель С.М. Голицын обнаружил 56 вакансий казеннокоштных студентов. Еще худшим положение было в провинциальных университетах. Выход из тупика профессора видели в том, чтобы открыть двери всем сословным группам, и в частности воспитанникам духовных семинарий. Но отношение чиновников к «поповичам» было настороженным. С одной стороны, в уставе 1804 года сословных ограничений не было, а потому в первые годы после открытия семинаристы учились в университетах. Однако впоследствии правительство стало ограничивать их доступ в светские учебные заведения. Так, в 1824 году Е.В. Карнеев приказал не зачислять в студенты выпускников духовных училищ²². Такое же решение

---

²⁰ Программа экзаменов для поступающих в университет и представление попечителя учебного округа о мероприятиях по улучшению университетского преподавания, 1827–1833 // Там же. Оп. 40. Ед. хр. 265. Л. 36.

²¹ По представлению Совета Казанской Гимназии о экзаменах в оной за академический 1827–1828 год, 1828 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 2677. Л. 7.

²² Дело о рассмотрении проекта попечителя Харьковского учебного округа о преобразовании университета и Слободско-Украинской гимназии, 1823–1824 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 506. Л. 26 об.

принял М.Л. Магницкий²³, а потом и его преемник М.Н. Мусин-Пушкин²⁴. Очевидно, чиновникам претила идея возвращать «благородную породу» из детей приходских священников и дьячков.

Мысль о том, что благодаря университетам российское дворянство будет разбавляться безродными разночинцами, противоречила представлениям Николая I о социальной стабильности в империи. В связи с этим в 1831 году министр подписал распоряжение, по которому «попович» мог поступать в университет, но для этого он должен был сдать экзамены в местной гимназии «по всем предметам Гимназического курса», а потом подвергнуться повторной переэкзаменовке у профессоров. В случае неудачи он отправлялся домой на средства той гимназии, которая признала его познания достаточными, что, естественно, ужесточило требования к ним гимназического начальства.

В 1835 году в Московский университет должно было поступить 40 выпускников из 13 семинарий. По результатам испытаний один ученик отказался учиться в университете «по семейственным обстоятельствам», другой продемонстрировал слабые познания, третий оказался вовсе незнающим, четвертый отказался сдавать экзамены, пятый был признан «ненадежным в здоровье»²⁵. Вскоре «поповичи» вовсе исчезли из студенческих аудиторий.

Пограничное положение попечителей побуждало их представлять в профессорском совете интересы государства, а в министерстве лоббировать интересы «своего университета». Так, недополучив слушателей в Московский университет, попечитель С.Г. Строганов просил министра пойти на уступки: «... в принятии их (семинаристов) в Студенты Университета должно быть оказываемо некоторое снисхождение, но обращаемо особенное внимание на дарования и способности, и на познания в тех предметах, которые служат основанием классического образования». Он даже ходатайствовал об увеличении квоты на «поповичей». Од-

---

²³ Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, 11 октября 1821 // ОРРК НБЛ КФУ. № 4777. Л. 9 об. Попечитель писал: «... я думаю, что принимать должно с строгаго Экзамена; а иначе опять унив[ерситет] выйдет приходским училищем».

²⁴ По предложению Господина Исправляющего дела Попечителя о непринятии в Студенты воспитанников Духовных Семинарий исключаемых за дурное поведение и об экзаменах вольных слушателей Казанского университета, 1827 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 2279. Л. 1.

²⁵ Дело о командировании в Медицинский институт при университете 40 воспитанников духовных академий и семинарий для укомплектования вакантных мест казенно-коштных студентов, 1835–1836 гг. // РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Ед. хр. 196. Л. 6, 11–23 об.

нако в данном случае Уваров руководствовался не «интересами места, а мнением высокого лица». Он сослался на указ 1831 года, сообщил попечителю о грядущем сокращении числа казенных студентов и посоветовал набирать воспитанников из отличных гимназистов²⁶. Получив эти наставления, Строганов стал противником приема в университет семинаристов.

Поскольку в уставе 1804 года правительство выражало надежду найти в студентах «благонравие», успехи (в науках) и хорошее поведение, то министерство потребовало от подведомственных ему университетских корпораций разработать правила студенческой жизни. Обладая по крайней мере формальным правом собственной юрисдикции, университетские советы сами «следили за порядком и благочинием» своих воспитанников, а потому избирали из собственной среды инспекторов-студентов. В контроле над учащимися им помогали младшие члены корпорации – магистры, адъюнкты и даже сами студенты (так называемые «камерные студенты»). Долгое время в условиях дефицита воспитанников вопрос о требованиях профессоров к их поведению не был актуальным. Это касалось и подведомственных университету гимназий. Зная об «отличных способностях» гимназических воспитанников, педагоги закрывали глаза на их «дерзости», оставляли доучиваться и, несмотря на испорченную репутацию, «беспокойных» юношей все же брали в университет. Яркий пример тому – разбирательство в Казанской гимназии в октябре 1804 года, когда было исключено только четверо из всех выявленных виновных²⁷.

Предписанные уставом правила стали разрабатываться только в 1812 году. В Харькове такой текст был написан ректором А.И. Стойковичем, обсужден на профессорском совете и получил одобрение министра А.К. Разумовского²⁸. Казанские профессора разработали нормы жизни для своих воспитанников на полтора года позже, в сентябре 1813 года²⁹. Вся процедура их создания и обсуждения хорошо запротоколирована.

---

²⁶ Там же. Л. 24 об, 31–32 об.

²⁷ Дело о прошедших в гимназии от воспитанников беспорядках и об увольнении от должностей директора Лихачева и главного надзирателя Фишера, 1804–1806 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 48.

²⁸ Дело об учреждении общих правил для студентов университета, 1812 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 167. Л. 1, 3.

²⁹ Переписка с попечителем Казанского учебного округа, инспектором студентов о конфликтах профессоров со студентами. Документы о составлении «Правил благочиния для студентов университета, 1813 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Ед. хр. 75.

Судя по архивным свидетельствам, прибывший в Казань попечитель округа М.А. Салтыков обнаружил, что профессорский совет всё еще не выполнил предписания правительства. Граница между дозволенным и запретным устанавливалась местными преподавателями «любовью и строгостью». Профессорский совет полагал, что «истинный» педагог определит, что можно и чего нельзя воспитаннику, исходя из здравого смысла, сердечной заботы и личного жизненного опыта. В трудных случаях университетская администрация обращалась к родителям своих воспитанников и совместным решением стремилась определить будущность студента, найти индивидуальный подход к нему. Дневник инспектора казеннокоштных студентов Ф.К. Броннера за 1814–1816 гг. наполнен описаниями бесед наставников со студентами, рекомендациями для их работы над собой³⁰.

В отличие от ученого сословия назначение студенческих правил министерский сановник видел в том, чтобы университет имел своего рода «правила благочиния», которыми в своё время руководствовались коллегии. И раз речь шла о законах, то он предложил поручить это правоведам – профессорам И.-Х. Финке, Ф.Л. Брейтенбаху и Е.В. Врангелю. Через семь месяцев Финке подал в Совет написанные на латыни «Правила благоустройства для Студентов», состоящие из 120 пунктов («артикулов»). При рассмотрении проекта выяснилось, что, несмотря на указания попечителя, в качестве образца он использовал «правила» не для чиновников, а для студентов Дерптского университета (1802)³¹.

После их перевода на русский язык совет направил текст ректору и во все четыре отделения университета. На обсуждение ушел еще год. В итоге каждое отделение подало в совет свои мнения, замечания, предложения и пожелания. Так, профессора словесного отделения были недовольны «пространностью» правил, рекомендовали сократить текст и облегчить его язык. Профессора физико-математического отделения просили изменить акценты в описании позиции профессоров по отношению к студентам. Университет, – настаивали естественники, – есть «заведение для нравственного и учебного образования студентов», а не

³⁰ Дневник и переписка профессора Ф.К. Броннера (1810–1817) // Нагуевский Д.И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его Дневник и Переписка (1758–1850). Казань, 1902. С. 1–190.

³¹ Высочайше утвержденные правила для учащихся в Императорском Дерптском университете, 23 августа 1803 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. № 6. Стб. 119–138.

«судилище для них»³². То есть дисциплинарное и карательное назначение университета в дерптской версии в Казани не приняли и предложили заменить на просветительно-гуманистическое. Необходимость адаптировать западные нормы к российским реалиям высказывали все участники обсуждения. Именно поэтому они решили не упоминать в правилах такие явления, как студенческие дуэли.

Интересно, что когда ректор И.О. Браун, немец по происхождению и врач по профессии, написал свои размышления о правах и обязанностях студентов, то на них была составлена рецензия профессором Г.Б. Никольским. Благодаря тому, что в архиве сохранилось то и другое, у нас есть возможность увидеть зазоры в представлениях о воспитательной функции немецких и российских профессоров. Так, профессор Браун считал, что «всякой студент должен вести себя тихо и послушно, как прилично каждому молодому человеку». Примечательно, что его оппонент прокомментировал это так: «Молчаливость, тихость и послушание не составляют всех качеств приличных молодому благовоспитанному человеку»³³. Очевидно, в александровскую эпоху смирение и послушание еще не казались безусловными достоинствами отечественного интеллектуала.

К этим двум проектам в марте 1815 года добавился вариант правил, составленный врачебным отделением. По мнению медиков, хороший воспитанник должен слушать науки «со вниманием, прилежанием и тщательностью», повторять дома пройденное, оказывать повинование университетскому начальству, почтение – членам совета, дружелюбие – товарищам, всем и каждому – учтивость и благоприятство». В контраст неучам, он не должен иметь «развратных нравов» (в число которых профессора включили пьянство, «бесстыдство» и «коварство»), играть в азартные игры, умышленно портить принадлежащие казне или частным лицам вещи, мстить за свои обиды (вместо этого следовало обращаться к ректору, правлению и совету университета за помощью), иметь долги. Чуть позже к этим требованиям прибавилось обязательное посещение церковных служб и выполнение обрядов. Чтобы сделать такого студента, профессора-медики прописали поощрения и наказания, заимствованные из системы домашнего воспитания.

---

³² Переписка с попечителем Казанского учебного округа, инспектором студентов о конфликтах профессоров со студентами. Документы о составлении «Правил благочиния для студентов университета, 1813 // НАРГ. Ф. 977. Оп. Совет. Ед. хр. 75. Л. 42.

³³ Там же. Л. 48.

Поскольку попечитель настаивал на градации проступков и способов возмездия за них («дерзость и буйность имеют свои степени, а потому и наказание должно быть различно»³⁴), то профессорский совет составил следующую систему воспитательных мер: выговор ректора наедине, выговор в присутствии правления, замечание в присутствии совета, публичное извинение и заключение под стражу, исключение из числа студентов до времени исправления, исключение из университета навсегда, исключение из университета с бесчестьем (тогда о причине сообщалось в Главное правление училищ и «распубликовывалось» по всем университетам империи), передача дела из университетского суда в уголовный суд. К смягчению наказания вело добровольное признание и искреннее раскаяние провинившегося.

В те годы профессорский совет создавал нормы не только для университета, но и для прочих учебных заведений округа. В связи с этим ему приходилось оценивать отечественную школьную традицию в целом. Так, в 1811 году Училищный комитет Харьковского университета разбирал случаи физического наказания гимназистов, один из которых имел летальный исход. В этой связи профессора единогласно признали недопустимость физических наказаний в школе, но разошлись во мнении о степени виновности директора гимназии³⁵.

В эпоху зрелого Просвещения для нормирования ребенка применялись патерналистские методы (в том числе и физическое воздействие). Порицая формализм в исполнении педагогических обязанностей, члены совета «вменяли преподавателям предотвращать худые поступки студентов отеческою попечительностью». Лектор должен был внушить к себе уважение слушателей, поскольку «внутреннее в воспитанниках почтение к воспитателям своим есть первое и необходимое условие успешного нравственного образования»³⁶. В делопроизводственных материалах и в персональных тестах тех лет отношения наставников и учеников описываются в семейных категориях. Так, по утверждению того же профессора Финке, студент был сыном университета, которым он (университет) гордится, когда находит со стороны первого любовь и почтение, и кото-

³⁴ Об увольнении студентов Буллера и Веригина из университета, 1815 // Там же. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 554. Л. 2.

³⁵ Дело о смерти ученика Харьковской гимназии Н. Зубкова после наказания его розгами директором Шредером и об избииении Шредером ученика Ю. Калиновского, 1811 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 146.

³⁶ Документы о нарушении дисциплины студентами университета, 1817–1818 // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Ед. хр. 322. Л. 20 об.–21.

рого он никогда, даже в случае проступков, не оставит своими советами. В таком случае «запальчивость» отечески настроенного педагога оправдывалась его горячей любовью к воспитанникам.

А вот в период увлечения Министерства народного просвещения «христианским благочестием» (1816–1825) в Казанском и Петербургском университетах стали широко использоваться методы церковного воспитания. Инициатива сакрализации пространства университетской жизни исходила не от профессоров, а от правительственных чиновников. Потребность в этом оправдывалась «низким» качеством университетской продукции. Так, в «Отчете по обозрению Казанского университета» М.Л. Магницкий оценил местных студентов как «провальный» результат университетского воспитания, печальный итог деятельности профессоров: неустроенный быт воспитанников, их «полу-ученость», деизм и скептицизм, «самое глубокое невежество в законе Божиим»³⁷. Став попечителем, он потребовал от университетского совета перестройки обучения на религиозных основах. «Студенты, – писал он ректору, – могут быть весьма худы и без кучерских пороков: пьянства, драк и пр.»³⁸

В интенсивной переписке попечителя Магницкого с ректором (1820–1825) вопрос о студенческих успехах в учебе и их поведении занимал центральное место. «Ведомости о происшествиях» в университете и гимназии отсылались в Петербург дважды в месяц, что позволяло министерскому чиновнику контролировать далеких от него профессоров и студентов. Судя по предложениям и дисциплинарным мерам, в те годы российский университет стал еще более строгим «судилищем» для своих воспитанников, чем Дерптский университет³⁹.

Забота о телах воспитанников

Кроме их поведения в настоящем и их пользы для службы в будущем правительство интересовала потенциальная трудоспособность возвращаемых специалистов (новый вид политики, которую М. Фуко называл

---

³⁷ Магницкий М.Л. Отчет по обозрению Казанского университета / публ. подгот. А.Ю. Минаков // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Воронеж, 2004. Ч. III. С. 140.

³⁸ Письмо попечителя М.Л. Магницкого ректору Г.Б. Никольскому, 23 марта 1823 // ОРК НБЛ КФУ. № 4777. Л. 31.

³⁹ Ведомости о происшествиях в Казанском университете, 1822–1826 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 1513.

«биовласть»). В связи с этим профессора должны были подавать чиновникам сведения о больных и здоровых воспитанниках. Отношение к этому самих профессоров было двойственным. С одной стороны, в мемуарах некоторые из них вспоминали, что сами выбрали ученую стезю из-за плохого здоровья, не позволившего заняться воинской или чиновной службой. Да и переписка профессоров пестрит упоминанием болезней и немощи, из-за которых они не могли читать лекции, пропускали заседания совета, отказывались от административных поручений. Апелляция к природной слабости, а чаще – к разрушенному наукой здоровью служили основанием для ходатайства дополнительных государственных льгот.

Предполагалось, что развитие культуры совершенствует разум человека и порождает прогресс общества, но разрушает человеческое тело. Профессор медицины И. Ерохов в актовой речи «О важности врачебной науки и обязанностях врача» (1826) уверял современников: «Самыя занятия с Музами, но непомерныя, хотя и образуют ум, не менее того однако ж неприметным образом изнуряют тело, располагают его к болезненному состоянию, которое мало по малу умножаясь и истощивши телесныя и душевныя силы доводят человека до совершеннаго изнеможения – до гроба»⁴⁰. Эти слова подтверждались физическим состоянием гимназических и университетских воспитанников. Бывшие студенты вспоминали в мемуарах об эпидемиях и болезнях, постоянно сопровождавших их учебу.

С другой стороны, профессора смотрели на физическое состояние своих воспитанников как на возможность или препятствие учиться в университете. Впрочем, поначалу университетские советы не предъявляли никаких требований к телам своих воспитанников. В ведомости профессора Казанского университета Ф.И. Эрдмана (1812) прошедшие через университетскую клинику студенты разделены на тех, у кого болезнь сохранялась («remanentium»), начиналась («ingresforum»), тех, кого покинула («egresforum») и тех, кого убила («mortuorum») ⁴¹. Это была

---

⁴⁰ Речь профессора медицины И. Ерохова «О важности врачебной науки и обязанностях врача», произнесенная им на торжественном собрании в Казанском университете 4 июля 1826 года, 1826 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Ед. хр. 442. Л. 4 об.

⁴¹ Рапорты профессора Эрдмана о числе больных студентов и главного надзирателя, помощников инспектора Юнакова и Бульгина о поведении студентов и учеников гимназии, 1813 // НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Ед. хр. 61. Л. 1 об. –2.

обычная медицинская статистика, которую во врачебную управу поставляли все клиники.

Впервые от поступающих стали требовать медицинских справок о состоянии здоровья («врачебных освидетельствований») в Харькове в 1812 году. Это было связано со вспышками эпидемий, которым подверглись университетские города из-за притока пленных и мигрантов. Но и после того как эпидемия кончилась, Харьковский университет сохранил требование медицинского освидетельствования. Более того, в том же 1812 году профессор И.Д. Книгин составил список болезней, закрывающих доступ к получению казенного содержания в университете⁴². В него были включены 37 врожденных и неизлечимых заболевания (когда человек «находился беспрестанно в болезнях»). Судя по всему, местный ученый медик «бежал» впереди министерства и указывал ему на ущемление государственных интересов. Так, автор доказывал, что «всякое изменение частей составляющее безобразия в теле считать должно за порок, воспрепятствующий принимать детей на казенное содержание» в гимназии и в университеты⁴³. Профессор настаивал не только на установлении подобного фильтра при отборе юношей в студенты, но и на исключении из университетов учащихся с такими «пороками». Аргумент был прагматично прост: обучение требует значительных государственных затрат, а больные выпускники не смогут вернуть вложенные в них средства и отслужить положенные шесть лет на «учительской должности» или во врачебной управе.

Обескураженный министр срочно потребовал от попечителей сведений о больных воспитанниках и их родственниках. Профессорским советам он рекомендовал собрать также данные о болезнях гимназистов по своему округу. Исходя из критерия учебно- и трудоспособности, министр разрешил больным гимназистам, у которых находят «временную только болезнь, которую вылечить удобно, не отказывать в приеме; но тотчас брать меры к немедленному полечению их»⁴⁴. Юношей с хроническими заболеваниями брать на казенное содержание запрещалось.

Очевидно, введение медицинского фильтра было возможным только в условиях, когда у профессоров был выбор воспитанников. Если их и так не хватало, то о дополнительном критерии отбора речь не шла. Ма-

---

⁴² Дело о запрещении принимать в университет и гимназию на казенное содержание лиц без медицинского свидетельства о состоянии здоровья, 1812 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 169. Л. 2–3.

⁴³ Там же. Л. 3.

⁴⁴ Там же. Л. 1.

териалы архива Казанского университета за 1813 год свидетельствуют, что там медицинского обследования немногочисленных кандидатов в студенты не проводили⁴⁵. Более того, хорошо знавшие гимназических учеников местные профессора ходатайствовали за юношей с хроническими болезнями. В некоторых случаях они даже служили оправданием отставания в учебе⁴⁶. Но не каждое заболевание могло для этого использоваться. Вероятно, когда казанский профессор Ф.К. Броннер писал об одном из своих воспитанников: «Студент Данков на лекциях был прилежен и внимателен, но был *отвлекаем болезнями и другими развлечениями* (курсив наш. – Е. В., К. И.), почему не может быть одобряем к получению какой-либо награды»⁴⁷, то имел в виду «любопытную болезнь». Но и тогда речь не шла об исключении из корпорации.

С точки зрения властей, подобная терпимость оборачивалась значительными издержками для казны. Письменно зафиксировать эту мысль правительство побудило дело казанского студента-кандидата Ф. Колаковского, страдавшего эпилепсией. Обследовавшие его университетские врачи констатировали, что студент имеет «сложение слабое и признаки, показывающие присутствие глист, от коих и происходит падачая болезнь и ипохондрия»⁴⁸. Консультировавшийся по этому поводу с чиновниками министерства попечитель заявил, что болезнь делает талантливого студента неспособным к последующей службе, а потому продолжать его обучение не имеет смысла. В результате, несмотря на «прекрасное поведение» и очевидные способности к восточным языкам, Колаковский был отчислен из университета.

Инициатива харьковского профессора ограничить доступ в университеты по состоянию здоровья (повторенная при разработке попечителем Е. Карнеевым устава 1825 года⁴⁹), по-видимому, говорит о кризисе патерналистских отношений. Характерное для Харькова тесное сотруд-

---

⁴⁵ Прощения, аттестаты, свидетельства лиц, поступающих в университет и отчисленных из него, 1813 // НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Ед.хр. 67.

⁴⁶ Там же. Л. 84–84 а.

⁴⁷ Переписка с профессорами университета о составлении планов чтения лекций и проведения практических занятий в 1813/14 учебном году, 1813 // Там же. Ед. хр. 93. Л. 3.

⁴⁸ Дело об исключении из университета по болезни кандидата Ф. Колаковского, 1826 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Ед. хр. 228. Л. 1, 2.

⁴⁹ Проект устава и штата Харьковского университета и мнения профессоров В.Я. Джунковского, И.Н. Даниловича и К.П. Пауловича по этому проекту, 1825–1835 // Там же. Оп. 49. Ед. хр. 579. Л. 52 об.

ничество министерских чиновников и профессорского совета обернулось их совместным противостоянием учащимся. Московский же университет стал требовать от абитуриентов медицинские справки только после появления соответствующего приказа министерства⁵⁰.

Впрочем, интерес профессоров к телам своих воспитанников стимулировался не только министерством. В идеологии эпохи зрелого Просвещения народы и отдельные люди распределились на «развитых» (соблюдающих санитарно-гигиенические нормы) и «отсталых» (неспособных позаботиться о своем здоровье). Соответственно, в обязанность просветителей входило насаждение в сознание и повседневную жизнь аборигенов западных правил общежития. Неслучайно поэтому в российской публицистике начала XIX века утверждение ценности чистоты тела шло параллельно с рассуждениями о пользе просвещения для самой жизни.

Что касается реальной практики отношений, то здесь ситуация была более сложной. С одной стороны, у университетов были преимущества перед обывателями. В их состав входили ученые медики (часть из них были практикующими врачами), что обеспечивало профессиональную защиту от городских эпидемий и болезней. Так, во время холеры в Харькове в 1830 году ректор Н.И. Еллинский остановил обучение, отпустил из города всех своекоштных студентов и обеспечил эффективные санитарные меры защиты проживающих в университете воспитанников⁵¹. Спасением студентов и профессоров от холеры прославился и казанский ректор Н.И. Лобачевский.

С другой стороны, профессора-медики становились всё более привилегированной частью университетского сообщества – более обеспеченными за счет частной практики и более независимыми от корпоративных обязательств. Их профессиональная автономизация стала особенно ощущаться в николаевское правление. В александровскую эпоху невозможно было представить, чтобы профессор медицины не оказал помощи своим питомцам. Нормальным считалось решение профессора К.Ф. Фукса свозить ослаблен-

---

⁵⁰ Дело о командировании в Медицинский институт при университете... // Там же. Оп. 30. Ед. хр. 196. Л. 7 об.

⁵¹ Дело о расследовании жалобы ректора университета на профессора Г.Ф. Брандеса в связи с отказом последнего лечить больных холерой и оскорбительными выходками, 1830–1833 // Там же. Оп. 49. Ед. хр. 749. Л. 2. Так, например, уехал студент этико-политического отделения С.Л. Геевский. См.: Геевский С.Л. Из автобиографии (1813–1862) // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців. Т. 1. Харків: Видавництво Сага, 2008. С. 141–142.

ных студентов на минеральные воды или прошение профессорского совета потратить бюджетные деньги на лечение больного студента⁵².

А в 1830-е годы дали о себе знать новые тенденции. Так, харьковские профессора были возмущены поведением своего коллеги Г.Ф. Брандейса, который во время эпидемии лечил частных пациентов и отказывался прийти к заболевшим студентам⁵³. Этот прецедент разбирался не только на совете, но стал известен даже в министерстве. Но никаких негативных последствий для осужденного это не повлекло.

Неся ответственность за жизнь воспитанников, профессора первой четверти XIX века беспокоились об их питании. Резкий рост инфляции после войны 1812 года съел значительную часть университетских ассигнований, в том числе денег, выделенных правительством на содержание студентов. Голодные учащиеся постоянно обращались в правление с просьбой увеличить порции еды. Такого рода обращения породили переписку профессоров с попечителями и министерством. В них для нас интересны обоснования необходимости дополнительных государственных инвестиций. Аргументы у всех трех университетов были разные. Харьковчане оправдывали экстратраты желанием сохранить физическое и душевное здоровье будущей российской элиты (С.О. Потоцкий, 1815)⁵⁴. А московские профессора делали упор на заслугах студентов перед отечеством в войне 1812 года⁵⁵. Казанские же педагоги писали о чувстве справедливости по отношению к тем, кто будет жертвовать собой на службе в далеких сибирских училищах (Ф.Л. Брейтенбах, 1818)⁵⁶. Это возымело действие.

Но не всегда знания убеждали. Так, несмотря на медицинские познания и критику экологии университетских городов, профессорам не удавалось добиться чистоты и гигиены даже в стенах университета. О том, что с этим было неблагополучно, свидетельствуют многочисленные студенческие воспоминания. Они рассказывают о том, что жилые комнаты

---

⁵² Дело об отправке студента университета Д. Петрова на Кавказские минеральные воды для лечения, 1825 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Ед. хр. 180. Л. 1–1 об.

⁵³ Дело о расследовании жалобы ректора университета на профессора Г.Ф. Брандейса... // Там же. Оп. 49. Ед. хр. 749. Л. 2об, 5–6.

⁵⁴ Дело об увеличении размера стипендии казеннокоштным студентам и жалованья кандидатам и магистрам университета, 1811–1816 // Там же. Оп. 49. Ед. хр. 139. Л. 9–9 об.

⁵⁵ Дело о выдаче пособия казеннокоштным студентам университета, в связи с их тяжелым материальным положением, осложненным военными событиями, 1814–1815 // Там же. Оп. 28. Ед. хр. 212. Л. 1–1 об.

⁵⁶ Рапорт инспектора студентов Брейтенбаха о необходимости улучшить содержание казенных студентов, 1818 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 809. Л. 2–2 об.

в Харьковском университете 1820-х годов были «сборным местом всяких гадостей»⁵⁷. «Нечистота была невообразимая, распушенность необузданная!», – вспоминал И.И. Боровиковский⁵⁸. Похожая ситуация была в Московском университете. Д.Н. Свербеев вспоминал, что в середине 1810-х годов студенты «числом около сотни, тесными кучками жили в нижнем этаже нашего небольшого университетского дома, человек по пяти в одной комнате, и жили грязно, бедно и голодно...»⁵⁹ Ревизия Казанского университета 1819 года вскрыла отсутствие у студентов постельного белья, смрад в туалетных комнатах, грязь на кухне и в аудиториях. В период кризиса университетской идеи в России на рубеже 1820-х годов министерство обвинило в антисанитарии университетских зданий профессорские советы. Тогда правительство считало это не государственным, а корпоративным делом.

В середине 1820-х годов произошли явные изменения в суждениях на санитарно-гигиенические темы. Размышляя о качестве элит и нации, власть предъявляла свое право на насильственную заботу о физическом состоянии подданных⁶⁰. Кураторы и попечители университетов возводили бани для учащихся, оснащали столовые комнаты серебряными приборами, требовали от университетских врачей проверки кожи воспитанников, добивались уборки учебных помещений и регулярной стирки постельного и постельного белья казеннокоштных студентов⁶¹.

Теперь уже не профессора печаловались властям о здоровье своих воспитанников, а министерство требовало от наставников и попечителей сохранения здоровья вверенных им подданных. В письмах к попечителям министр понуждал их следить за опрятностью и чистотой помещений, за одеждой и пищей воспитанников, за свежестью воздуха в учебных классах⁶². Вскоре санитарный порядок в учебных зданиях был полностью передан в ведение попечителя и подчиненных ему чиновников.

---

⁵⁷ Ничпаевский Л. Воспоминания о Харьковском университете 1823–1829 годы // Харьковський університет... Т. 1. С. 59.

⁵⁸ [Боровиковский И.И.] Воспоминания о Полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия назад // Там же. Т. 1. С. 90.

⁵⁹ Свербеев Д.Н. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М.: Современник, 1989. С. 78.

⁶⁰ Вишленкова Е.А. О народной неопрятности и национальном здоровье: культурные границы в описании России второй половины XVIII – начала XIX века // Cogito. Альманах истории идей. Ростов-на-Дону, 2009. Вып. 4. С. 72–81.

⁶¹ Документы и материалы... Т. 1. С. 202.

⁶² Наставление вновь определенным попечителю Московского учебного округа А.А. Писареву и исполняющему должность Харьковского учебного округа А.А. Перовскому, 1825–1826 // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 3 об.

Диктаторскими мерами и с помощью полученных государственных средств им удалось добиться повышения гигиенических требований и санитарных норм. Изменения к лучшему ощутили и профессора, и студенты. Многие мемуаристы называют начало царствования Николая I новой эпохой в истории отечественных университетов, когда они превратились в respectable учебные заведения с отремонтированными или вновь отстроенными корпусами, с чистыми воспитанниками и хорошим питанием. В 1835 году санитарные и гигиенические требования как способ сохранения трудоспособности студентов правительство вписало в университетский устав и в инструкции инспекторам студентов.

Конечно, ни попечитель (отставной офицер), ни инспектор студентов не могли сами оказать помощь больным студентам. Но они могли возложить и возлагали ответственность за это на университетских медиков⁶³. Поэтому когда в 1840-е годы студентов Казанского университета отправляли на Сергиевские минеральные воды⁶⁴, то делали это не профессора-медики, а инспектор⁶⁵. Это он проверял медицинские освидетельствования воспитанников, имеющих «хроническую сыпь золотушечного цвета», «сильное сердцебиение, сопровождающееся удушьем», «золотушное воспаление глаз, сопряженное со светобоязнью», «грудной катар и сердцебиение... при золотушном и слабом телосложении», «расстройство грудных органов с кровохарканьем», и решал, кого из них отправить на воды «для поправления здоровья»⁶⁶.

Ранжирование студентов

После резкого поворота в образовательной политике (конец 1820-х годов) министерство предписало профессорам осваивать военный опыт воспитания. Нормативный университетский воспитанник николаевской

---

⁶³ По представлению попечителя Казанского учебного округа воспитанников казанской гимназии и студентов университета глазной болезни, 1829 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 3037. Л. 3 об. –4.

⁶⁴ До открытия в 1832 году этого курорта студентов отправляли лечиться на Кавказские минеральные воды.

⁶⁵ Об отправлении некоторых студентов Казанского университета к минеральным водам для пользования, 1844 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 5592. Л. 1, 2.

⁶⁶ Об увольнении студентов Казанского университета вообще в отпуск и для излечения болезней и о пособии им на это, 1860 // Там же. Ед. хр. 7775. Л. 2, 5, 8, 10, 15.

эпохи описан в «Инструкции инспектору студентов»⁶⁷, которая была разработана для Московского университета (1834). Чуть позже такие же тексты составили и приняли профессорские советы Харькова и Казани. И если казанские профессора скопировали московский текст почти дословно, то харьковчане проявили инициативу и переработали часть его положений. Например, в их инструкции отсутствовали пространные рассуждения о значении религиозного воспитания, о возрастных особенностях студентов и более рациональными были объяснения требуемых норм (так, если курение табака в казанской инструкции запрещалось потому, что «показывает дурные наклонности» учащихся⁶⁸, то в харьковской – «для безопасности от пожара»⁶⁹). Впрочем, министр С.С. Уваров инициативы харьковских профессоров не оценил и потребовал единства действий всех императорских университетов, общности их принципов воспитания и норм оценки воспитанника. В результате инструкция Московского университета получила статус государственного закона⁷⁰.

Усиливая государственный контроль над производством университетских воспитанников, попечитель М.Н. Мусин-Пушкин собирал списки казенных и своекоштных студентов. Они представляли собой таблицы со следующими рубриками: отличные, хорошие, средственные и исправляемые студенты⁷¹. В категорию «отличные» попадали воспитанники, которые в течение года не подвергались ни выговорам, ни замечаниям, а

---

⁶⁷ Инструкция Инспектору студентов Императорского Московского Университета, 18 октября 1834 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. Царствование императора Николая I. 1825–1837. СПб., 1864. № 309. Стб. 619–635; Инструкция Инспектору студентов Императорского Казанского Университета, 30 июня 1835 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1866. № 29. Стб. 40–60; Дело об отделении административной части от учебной в Харьковском университете, о назначении инспектора студентов и его помощников. Инструкция инспектору студентов, 1835–1836 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 1005. Л. 16–23.

⁶⁸ Инструкция Инспектору студентов Императорского Казанского Университета, 1835 // Сборник распоряжений... Т. 2. № 29. Стб. 52.

⁶⁹ Дело об отделении административной части от учебной... // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 1005. Л. 19 об. Известно, что профессор латинского языка П.И. Сокальский после чуть не произошедшего пожара (из-за того, что студенты курили в печную трубу) разрешил студентам курить открыто (Костомаров Н.И. Студенчество и юность. Первая литературная деятельность // Харківський університет... Т. 1. С. 177).

⁷⁰ Об утверждении Инструкции Инспектору студентов Харьковского Университета, 12 июня 1835 // Сборник распоряжений... Т. 2. № 27. Стб. 39.

⁷¹ По предложению господина исправляющего должность попечителя Казанского университета о том, кому поручается говорить речи, имеющему быть торжественным собрании и об экзаменах студентов по окончании 1828–1829 академического года, 1829 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 2906. Л. 10.

«хорошими» считались только те, кто либо ни разу не переступил границу предписанной в правилах нормы или с послушанием принял замечания начальства.

В начале николаевской эпохи самым тяжелым преступлением студента считалась грубость, особенно повторяющаяся и направленная против начальства. К ней приравнялись непокорность, своевольство и сварливость. Под «особенный надзор» попадали учащиеся, замеченные в «хладности в делах Веры». Далее в иерархии прегрешений стояли: непослушание, нетрезвость (как единичная, так и повторяющаяся; как без последствий, так и с последствиями, нарушающими спокойную жизнь горожан) и небрежное исполнение христианских обязанностей. Редкое посещение лекций, своевольные отлучки из университета и резвость считались «легкими» проступками. А лень, нескромность и ветреность воспринимались в качестве общих свойств студиязусов, входивших в списки средственных воспитанников⁷².

Инструкция инспектора студентов, подменившая собой правовые нормы университетского суда, различала «проступок» и «вину». Первый совершается «от легкомыслия и незрелости ума» и исправляется «увещанием, выговором или простым арестом, не долее семи дней». Вина «имеет источником злую волю или ложное направление разума», наказывается «строгим выговором или заключением в карцер от одного до семи дней». При повторении проступок расценивался и наказывался как вина, а повторение вины влекло за собой для своекоштных – исключение из университета, а для казенных студентов – отдачу в военную службу⁷³.

В этом тексте детализированы все нормы наказания и статус «университетских преступников». Например, «студент посаженный под арест», согласно инструкции, «содержится в особой комнате, но имеет постель, получает обыкновенную пищу от стола казенных студентов и может заниматься и иметь при себе книги». «Студент посаженный в карцер» «содержится под строгим караулом, не имеет своей постели и не получает пищи, кроме хлеба и воды. Он посещается Инспектором и его Помощ-

---

⁷² Приложение к делу о ревизии Казанского университета и гимназии генерал-майором П.Ф. Желтухиным: списки профессоров и студентов университета и разные сведения о них, ведомость об учениках Казанской гимназии, наставления директору университета о внутреннем и наружном благоустройстве для студентов по французскому языку, журнал исходящих бумаг по ревизии университета и гимназии и другие документы, 1826 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Ед. хр. 205. Л. 125–126.

⁷³ Напр.: Инструкция Инспектору студентов Императорского Казанского Университета // Сборник распоряжений... Т. 2. № 29. Стб. 56–57.

ником для наблюдения за состоянием его здоровья»⁷⁴. В формализме этих строк не осталось и следа от отеческого попечения.

В этой ситуации профессора могли либо смягчать строгость предписанных законов, либо следовать им буквально. Студенческие мемуары содержат примеры того и другого. О харьковском ректоре И.Я. Кронеберге выпускники припоминали, что у него «редко срывалось с языка слово карцер, зато эта последняя мера наказания имела свое значение. А при В.Я. Джунковском, который за всякий поступок [...] всенепременно посылал студента в карцер, – посидеть в карцере не более значило, как провести ночь вне своей квартиры, у своего товарища, где предоставлялись все удобства, тем более что в карцер супруга ректора [...] частенько присылала заключенным чай и ужин. При Кронеберге [...] попасть в карцер [...] значило посидеть сутки или более в совершенном уединении, под замком, на хлебе и воде»⁷⁵.

Иерархия студенческих преступлений менялась в правительственных текстах по мере разворота политического курса и усиления страха верховной власти перед революционной инфекцией. Поэтому уже в 1830-е годы на вершине пороков оказалось участие в повстанческих движениях⁷⁶. Соответственно, самыми злостными были уже не «дерзкие», а «неблагонадежные» учащиеся.

Наряду с общим правительственным документом (устав 1835 года) во второй половине 1830-х и в 1840-е годы профессорские советы разработали множество нормативных текстов, которые детализировали условия студенческой жизни: правила вступления в университет, перевод с одного курса на другой, правила для бедных («реально нуждающихся»).

В 1840-е годы сращивание интересов попечителей с профессорскими советами объединило их в борьбе за расширение студенческого состава университетов. Те и другие направляли министру просьбы разрешить принимать в университет без экзаменов отличных выпускников гимназий. Подобное право было даровано некоторым гимназиям Московского и Санкт-Петербургского учебных округов. Для «всех прочих» обязательным условием оставался экзамен как способ к приведению гимназий в

---

⁷⁴ Там же. Стб. 57; Дело об отделении административной части от учебной... // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 1005. Л. 21 об.

⁷⁵ Ничпаевский Л. Указ. соч. С. 86–87.

⁷⁶ Дело о принятии мер к предотвращению политической неблагонадежности профессоров и студентов Харьковского университета, 1850–1851 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 611.

соответствующее желаниям правительства состояние⁷⁷. Попечитель должен был предоставлять министру список учеников, которых «считал достойными» учиться в университете⁷⁸.

В 1830–1850-е годы воспитанием студентов в университете занимались специально нанятые для этого отставные военные. Они привнесли в отношения со студентами иной стиль поведения. И поскольку инспектора подчинялись попечителю, то воспитание и благонравие студентов ушло из компетенции профессоров и стало исключительно государственной заботой.

В условиях отчуждения преподавателей от студентов и упадка университетского преподавания (конец 1840-х – 1850-е годы) в инструкциях и правилах студенты стали описываться не как совокупность отдельных учащихся, а как опасное «сословие» или «корпорация»⁷⁹. Плохо знающие своих воспитанников профессора, по признанию Э.А. Янишевского, смотрели на них «как на неприятельский лагерь», боясь организованных оппозиционных действий с той стороны (освистания на лекции, например)⁸⁰.

Личное общение и забота о нуждах конкретных воспитанников заменились формализмом инструкций, деятельностью комиссий и введением специальных должностей для контроля за студентами. Освобожденные

---

⁷⁷ Дело об отклонении ходатайства попечителя Харьковского учебного округа о разрешении принимать в Харьковский университет без экзаменов, окончивших гимназии округа, 1844 // Там же. Ед. хр. 276. Л. 1–2, 3–4.

⁷⁸ Дело о разрешении приема в университет без экзаменов учащихся, отлично окончивших гимназию, 1846 // Там же. Ед. хр. 404. О позволении воспитанников некоторых гимназий Московского и Казанского учебного округа вступать в университеты без экзаменов см.: О предоставлении ученикам, окончившим курс в Гимназиях Владимирской, Костромской, Тульской и Смоленской, преимущества поступать в Университет без испытаний, 14 июля 1845 // Сборник распоряжений... Т. 2. № 727. Стб. 833; Об освобождении учеников 3-й Московской Гимназии от испытаний при поступлении в Университет, 22 ноября 1845 // Там же. № 747. Стб. 861; О дозволении принимать в студенты Казанского университета без испытаний учеников Вятской Гимназии, 5 августа 1848 // Там же. № 874. Стб. 1019.

⁷⁹ См.: Предписание /конфиденциальное/ министра народного просвещения попечителю Московского учебного округа об установлении строгой дисциплины в университете, о систематической борьбе с стремлением студентов рассматривать себя как корпорацию, и о запрещении им выражать на лекциях одобрение профессорам аплодисментами, 1848 // РГИА Ф. 733. Оп. 34. Ед. хр. 3.

⁸⁰ Записка профессора Э.А. Янишевского проф. И.А. Больцани с предупреждением о готовящейся студенческой демонстрации на лекции последнего, 1860 // ПФА РАН. Ф. 22 Бутлеров А.М. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 2.

от общения со студентами профессорские советы придумывали искусные формулировки для всеобъемлющего описания случаев их девиации и ее пресечения. Но, несмотря на титанические усилия университетских педагогов, воспитанники все более выходили из-под их влияния, а принуждение не рождало в них послушания.

Более того, в начале следующего царствования и в обстановке критического переосмысления прожитого, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Г.И. Филипсон признал кризисное состояние университетской жизни, а также неэффективность ранее использовавшихся методов полицейско-бюрократического воздействия на студентов. «Радикального улучшения, – писал он, – нельзя ожидать от какой-либо новой регламентации, которая может опираться только на материальной силе, а её вмешательство в дело просвещения одинаково вредно, при успехе и неудаче»⁸¹.

Управление взглядом

В отношениях профессоров со студентами важно не только, что от последних требуется, но и как этого наставники добиваются. Собственно, в примененных к ним мерах и средствах нормирования выявляется корпоративный статус учащегося – был ли он объектом или соучастником университетской жизни («но оба они для науки», по словам Гумбольдта).

Комплекс мер, использованных для дисциплинаризации студентов в отечественных университетах, вписывается в парадигму паноптического режима властвования. Зрелое Просвещение создало феномен власти знания и видимости⁸². В 1791 году был изобретен первый паноптикум – круговая тюрьма с металлическим каркасом и стеклянными стенами, где каждый заключенный всё время находился под пристальным взглядом охранника-наблюдателя. М. Фуко и его последователи интерпретируют паноптикум как систему, ставшую символом современного типа властвования.

---

⁸¹ Дело об отказе удовлетворить ходатайство домашней учительницы Л. Ожигиной о допуске ее к слушанию лекций на медицинском факультете Харьковского университета с целью получения медицинского звания, 1861–1863 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 1251. Л. 27 об.

⁸² Freidberg A. The Mobilized and Virtual Gaze in Modernity // The Visual Culture Reader. 1998. P. 254–255.

ния в визуальном регистре⁸³. Для нее характерно стремление видеть и демонстрировать своё символическое присутствие и осведомленность в качестве практики управления.

Применительно к университету паноптический режим имел еще и ту особенность, что закрытое учебное заведение обладало всеми признаками средневекового принудительного корректирующего учреждения (школа, больница, тюрьма), и здесь власть взгляда оказывалась сильнее, чем в открытом социальном пространстве. А обеспеченный паноптическим режимом жесткий порядок, то есть буквальное следование письменным правилам, служил деструктивным фактором по отношению к воображению, необходимому для научного творчества⁸⁴.

Кажется, что университетские бюрократы считали не слово и мотивацию, а наблюдение и наказание самыми действенными формами воспитания. Исходя из этого харьковский попечитель Е. Карнеев делил студентов на три группы: «имеющие свой надзор», «отданные под надзор профессорам» и «живущие по квартирам» (последние обязаны были представить в университет свидетельство «о нахождении их под чьим-либо надзором»). От пристальности контролирующего взгляда зависела степень доверия чиновника к студенту. Судя по всему, это универсальное свойство бюрократического сознания: можно доверять лишь тому, кого постоянно видишь.

В связи с этим каждый попечитель стремился увеличить количество и внимательность глаз, следящих за университетскими воспитанниками. Каждое происшествие в университетах использовалось бюрократией для того, чтобы увеличить число смотрителей. Так, после разоблачения виленских филоматов в 1824 году Н. Новосильцов добился того, что во всех российских университетах были введены педели в звании унтер-офицеров. Но и после этого попечители постоянно обращались в министерство за увеличением числа помощников для инспектора. В относительно спокойные времена основанием тому служил широкий ареал расселения своекоштных студентов в городах. Как правило, государственная власть соглашалась с этим доводом и увеличивала количество глаз, смотрящих за университетскими воспитанниками⁸⁵.

---

⁸³ Foucault M. *Discipline and Punish* / transl. A. Sheridan. N.Y., 1979.

⁸⁴ Popper K.R. *The Logic of Scientific Discovery*. L., 1972.

⁸⁵ Дела о преобразовании университета по новому уставу, об увольнении и назначении профессоров, о распределении кафедр, увеличении числа помощников инспектора студентов и библиотекаря и другое, 1835–1859 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 1004.

К середине XIX века российский студент имел четкие идентификационные признаки. Современники легко опознавали университетских учащихся в любой толпе и в любом месте по форме, стрижке, походке, выправке, манере держаться. Соединенными усилиями университетское начальство добивалось от воспитанников внешнего единообразия, стирающего индивидуальность.

Особую заботу об этом проявляли правительственные чиновники, для которых порядок воплощался во внешних признаках унификации. Ю.М. Лотман утверждал, что после царствования Петра I верховная власть видела в армии идеал социальной организации, а в мундире – очевидный знак «регулярности», показатель присутствия правил⁸⁶. Это отражало культуру видения мира того времени. Костюм указывал на социальную роль, ведомственную принадлежность, внутреннее содержание человека. В течение XVIII века мундирная идентификация была распространена на все присутственные места в империи.

Учреждение Московского университета сопровождалось разработкой для него форменного костюма. В глазах власти форма делала университетских людей частью служилого сословия Российской империи. А пришедшим на студенческую скамью из разных социальных групп юношам она позволяла ощутить себя общностью. В те времена ношение мундира воспринималось как привилегия. Кураторы требовали от студентов соблюдения «чести мундира». А его лишение было одним из сильных наказаний для предостережения от «продерзости и благонравию противных поступок»⁸⁷.

Законодательство начала XIX века содержит подробные описания университетской формы Российской империи⁸⁸. Но, судя по архивным ма-

---

Л. 294–294 об. В этом же деле содержится просьба попечителя в 1839 году прибавить еще одного помощника инспектора к четырем уже имеющимся (Там же. Л. 310–311).

⁸⁶ Лотман Ю. М. Разговоры о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства [Электронный ресурс]: (XVIII – начало XIX века). URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lotman/01.php (дата обращения: 08.11.2010).

⁸⁷ Документы и материалы... Т. 2. С. 138. Такое случилось, например, с находящимся десять лет на ученическом содержании в университете студентом Иваном Тепловым, который, несмотря на то, что в ведомостях «показан понятным и прилежным [...] поступок похвальных», совершил две кражи. Сначала украл у другого студента книгу (за что был посажен в карцер и лишен студенческих преимуществ), а потом украл казенную простыню (заработав таким образом исключение из университета и публичное наказание).

⁸⁸ О мундирах для Императорского Московского Университета и подведомых ему училищ, 9 апреля 1804 // Сборник постановлений... Т. 1. № 33. Стб. 205; О мундирах для Харьковского Университета и подведомственных ему Училищ, 11 июня 1804 // Там

териалам, до 1826 года студенческий мундир не был обязательным для каждодневного ношения. Бывший студент Харьковского университета Л. Ничпаевский вспоминал, что в 1810-е годы вместо «мундирной одежды» воспитанники университета носили «фрак и партикулярное платье, часто меняемое по требованию моды и нередко по прихоти студента»⁸⁹. В Казани в начале 1820-х годов попечитель боролся с манерой студентов ходить в городе в партикулярном платье⁹⁰. О свободе в выборе костюма свидетельствовал и воспитанник Московского университета Николай Мурзакевич: «Картина была чудесная, когда весь амфитеатр, о нескольких рядах уступов, наполнялся молодежью здоровой, красивой, изящной и разнохарактерно одетой! Тогда еще не была введена полувоенная форма. Тогда модный изящный сюртук или полуфрак безразлично усаживался с фризовой шинелью, или выщелым демикотоновым сюртуком, или казакином. Кандидат, кончивший курс, студент 30 лет, студентик 15-летний, преклонных лет любознательный сенатский чиновник, армейский офицер – все это сидело, стояло, лепилось где попало на изящных лекциях Мерзлякова»⁹¹.

В первый же год правления Николая I были введены два вида университетской формы: для «обыкновенного хождения в классы и для выхода по надобности со двора» и для праздников и публичных собраний⁹². Мундир, по мнению мемуариста, «езде открывал студенту свободный вход, и вместе с тем удерживал его от вмешательства в какие-нибудь пестренческие общества. Студент везде был виден, и не трудно было решить, где ему быть прилично, а где нет»⁹³. Особой вольностью и даже фрондерством среди московских студентов почиталось носить форменный сюртук с высоким статским цилиндром⁹⁴.

же. № 38. Стб. 236; О мундире для Казанского учебного округа, 10 ноября 1809 // Там же. № 117. Стб. 524.

⁸⁹ Ничпаевский Л. Указ. соч. С. 61. ; Из воспоминаний студента Н. // Харківський університет... Т. 1. С. 127.

⁹⁰ Ведомости о происшествиях в Казанском университете, 1822–1826 // НА РГ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 1513. Л. 144 об.

⁹¹ Мурзакевич Н.Н. В Московском университете, 1825 // Московский университет в воспоминаниях... С. 91.

⁹² Отчет о новом устройении Московского Университета и Благородного при оном Пансиона. Тут же о награждении некоторых чиновников Московского Университета, 1827 // РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Ед. хр. 121. Л. 6 об.

⁹³ Ничпаевский Л. Указ. соч. С. 86.

⁹⁴ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний... С. 334.

Желая довести полувоенный студенческий мундир до логического завершения, попечители с армейским прошлым предлагали нашить на него специальные «форменные погончики». По мнению А. Писарева, они бы отличали казеннокоштных студентов, проживающих в университете, от своекоштных, расквартированных у частных владельцев, и предостерегали юношей «от каких-либо шалостей»⁹⁵. За ношением и опрятностью формы следили инспектора. Бывшие военные учили статских юношей порядку и военной дисциплине. Но рвение инспектора не всегда зависело от его происхождения. Формализм захватил и тогдашнюю профессуру. Так, воспитанники Харьковского университета вспоминали, что когда инспектором служил профессор математики М.А. Байков, «никто из них не смел появиться нигде, не застегнув всех до одной пуговиц своего мундира или виц-мундира»⁹⁶.

Бюрократизация и связанная с ней милитаризация университетов в николаевское правление привели к тому, что главным критерием оценки студентов стали внешние «единообразие и опрятность»⁹⁷, а не успехи студентов в науках или интерес к ним. Желая получить из рук университетских служащих благородных представителей российской элиты, чиновники заставляли студентов учиться правильной походке и отточенным телодвижениям, умению держать себя в обществе и производить приятное впечатление⁹⁸. В связи с этим студентов обучали «фехтованию на рапирах, танцам [...] верховой езде, для чего нанимались специалисты и назначались определенные часы»⁹⁹.

Не индивидуальной особенностью человека, а частью формы в те годы считалась прическа студента. В декабре 1837 года министр обратил специальное внимание попечителя Казанского округа на стрижку подчиненных ему гимназистов и студентов. Зная взгляды императора, Ува-

---

⁹⁵ Дело об осмотре попечителем Московского учебного округа и графом С.Г. Строгановым университета и об утверждении формы мундира казенных и своекоштных студентов и воспитанников пансиона и гимназии, 1826 // РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Ед. хр. 72. Л. 3 об.

⁹⁶ Из воспоминаний студента Н. // Харківський університет... С. 127.

⁹⁷ Об обозрении Господином Министром Народнаго Просвещения Харьковского Университета и прочих казенных и частных учебных заведений, 1850 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 610. Л. 2 об.

⁹⁸ Инструкция Инспектору студентов Императорского Казанского Университета, 30 июня 1835 // Сборник распоряжений.... Т. 2. № 29. Стб. 46.

⁹⁹ Любарский И.В. Воспоминания о Харьковском университете 1850–1855 гг. // Харківський університет... Т. 1. С. 405.

ров настаивал на том, чтобы они были «сообразно с данною им форменною одеждою»¹⁰⁰.

Действительно, внешний вид воспитанников был главным показателем, по которому Николай I оценивал университет и судил об ответственности профессоров. Поэтому ритуал въезда правителя всегда включал в себя смотр студентов¹⁰¹, которых по армейскому образцу «выставляли глаголем» (в Харьковском университете)¹⁰² или строили в «три шеренги по факультетам и курсам» (в Казанском)¹⁰³.

Несоответствие «наружного вида» учащихся принятой в армии норме (неопрятность мундира, длинные волосы¹⁰⁴, плохая осанка) вызывало резкую реакцию монарха и, как следствие, наказание профессоров в виде лишения наград.

Воспитанникам Харьковского университета запомнились два визита императора. В 1837 году им было приказано «остричь короче волосы и побрить бороды, а кто носит очки отнюдь их не надевать», то есть не выделяться. Автор мемуаров нарушил запрет и был в очках, когда император вошел в зал. Это тут же разгневало монарха («Зачем очки?», – спросил он), но был удовлетворен по-военному четким ответом студента («Чтобы видеть Вас»)¹⁰⁵. А во время визита 1850 года император заметил студента «с волосами почти огненного цвета, имевшими вид жесткой щетины, и огромными, тоже щетинистыми бакенбардами». И хотя их носить не запрещалось¹⁰⁶, император приказал «остричь и обрить уroda», а попечителю посоветовал: «Выгони всех, пусть останется хоть один, но чтоб был похож на человека!». И хотя его сын тоже любил строгий военный вид и, заметив в Харькове студентов, у которых «рубашка значи-

---

¹⁰⁰ По предписанию Господина Министра народного просвещения о том, чтобы студенты и воспитанники носили волосы в приличном виде, 1837 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 4696. Л. 1.; Дело о запрещении воспитанникам учебных заведений носить длинные волосы, 1837 // РГИА. Ф. 733. Оп. 89. Ед. хр. 154. Л. 2–3.

¹⁰¹ См. об этом: Вейнберг П.И. Харьковский университет в пятидесятых годах (Из моих воспоминаний) // Харківський університет... Т. 1. С. 373; Вистенгоф П.Ф. Указ. соч. С. 344.

¹⁰² Шрамченко Н.А. Мои воспоминания // Харківський університет... Т. 1. С. 170.

¹⁰³ Вистенгоф П.Ф. Из моих воспоминаний... С. 345.

¹⁰⁴ За слишком длинные волосы у студентов была большая вероятность попасть в карцер. См.: Шестаков П.Д. Московский университет в 1840-х годах // Русская старина. 1887. Т. 55. С. 649.

¹⁰⁵ Оже-де-Ранкур Н.Ф. В двух университетах (воспоминания 1837–1843 годов) // Харківський університет... Т. 1. С. 264.

¹⁰⁶ Вейнберг П.И. Указ. соч. С. 375.

тельно была выпущена сверху галстука», велел посадить их на гауптвахту¹⁰⁷, тем не менее в 1861 году студенческий мундир был отменен. И это было самым очевидным признаком изменения университетской политики правительства, признания за студентами права на личные свободы.

Видимость студента для власти обеспечивалась не только опознавательными знаками, присвоенными ему, но и контролем над его перемещением в пространстве и времени. Обеспечивая передачу знания в режиме «лицо к лицу», во все времена университетская аудитория делится на преподавательскую и студенческую зоны. С 1765 года центром «профессорской» зоны Московского университета были кафедры. Управляющая университетом Конференция даже планировала установить их в гимназии «по образцу, представленному [...] профессором Ростом»¹⁰⁸. Вместе с тем кафедра была символическим знаком. Сама ее форма и расположение отсылали к определенной проповеднической или учительской традиции.

Описание профессорской кафедры в Казанском университете начала 1830-х оставил Н.И. Мамаев: «В аудиториях, посреди продольной стены помещалась кафедра, сделанная из цельного красного дерева и состоящая из нижней возвышенной от пола площадки, на которую входили по представленной ступеньке, и стенок: задней, к которой ставился стул для преподавателя, и передней, выгнутой наружу, над которой устроена полка, для помещения на них книг или тетрадей. На этой-то передней, выпуклой к зрителю стенке кафедры было написано славянскими буквами изречение: “В злохудожну душу не внидет премудрость, ниже обитает в телеси, повинном в греху”. Буквы были золочены и написаны с черным оттенком, от чего издали казались как бы выпуклыми»¹⁰⁹. Впрочем, религиозного пиетета у студентов такая кафедра, похоже, не вызывала. Цитаты из Священного Писания воспринимались как символический рисунок¹¹⁰.

Нарастание бюрократического вмешательства в учебный процесс отразилось на сегментации студенческой зоны в аудитории. Если в начале XIX века, судя по воспоминаниям современников, распределение студен-

---

¹⁰⁷ Дело о посещении Александром II университета, ветеринарного училища, гимназий харьковских, Курской и Орловской, 1859 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 1118. Л. 3.

¹⁰⁸ Документы и материалы... Т. 2. С. 170.

¹⁰⁹ Мамаев Н.И. Записки Н.И. Мамаева // Исторический вестник. 1901. Т. 84. № 4. С. 50.

¹¹⁰ См. об этом: Вишленкова Е.А. Утраченная версия войны и мира [Электронный ресурс]: символика александровской эпохи // Ab Imperio. 2004. № 2. URL: <http://kogni.ru/pdf> (дата обращения: 8.11.2010).

тов в аудитории было произвольным¹¹¹, то с 1820-х годов слушатели могли занять только назначенное им место. По всей видимости, такое прикрепление было введено во времена увлечения «христианским благочестием». Во всяком случае, в инструкциях Магницкого есть предложения распределять студентов в аудитории в зависимости от их поведения.¹¹² А уже министерские документы 1830-х годов привычно требовали от инспектора студентов следить, чтобы его подопечные занимали на лекциях «назначенные им места». Тогда же харьковские профессора предложили для выявления студенческих пропусков занятий «распределить в Аудиториях места на скамьях для студентов и каждому из них предоставить избрать для себя постоянное место». Для опоздавших предназначалась специальная последняя скамья¹¹³.

Постепенно не только лекционные аудитории, но и всё пространство в университете становились объектом регулирования. Так, в «Правилах внутреннего благоустройства», составленных Магницким, поделенные на разряды студенты должны быть разделены поэтажно. Лучшие и хорошие воспитанники селились на среднем (наиболее комфортабельном) этаже университетского корпуса. Остальным предназначался третий (самый тесный и низкий этаж здания). Студенты разных разрядов обедали за разными столами. Поблизости от спальных помещений третьего уровня была устроена комната «для уединения студентов проступившихся». Её попечитель видел следующим образом: «над стеклянною (курсив наш. — *Е. В., К. И.*) в коридоре дверью выставляется приличная надпись, на двери и в окнах железные решетки, на стене противу двери живописное распятие, широкая деревянная скамья и простой работы деревянный стол. На противоположной с скамьею стороне картина страшного суда»¹¹⁴.

После осмотра зданий Московского университета вновь назначенный попечитель Писарев уведомил министерство о его заброшенности и за-

---

¹¹¹ Современник вспоминал: «Аудитория политического отделения находилась в левом крыле величественного здания университетского, во втором этаже. Круглая зала, замещенная в три четверти амфитеатром, простым столом и профессорским креслом, с несколькими скамьями и стульями, поражала своей скромностью глаза молодые, предполагавшие встретить блеск» (Мурзакевич Н.Н. Указ. соч. С. 91.)

¹¹² Приложение к делу о ревизии Казанского университета и гимназии... // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Ед. хр. 205. Л. 13.

¹¹³ Дело об усилении надзора за студентами Харьковского университета, 1839–1848 // Там же. Оп. 50. Ед. хр. 15. Л. 4–4 об.

¹¹⁴ Приложение к делу о ревизии Казанского университета и гимназии... // Там же. Оп. 40. Ед. хр. 205. Л. 13.

пустении. По его словам, студенческие спальни на «третьем низком этаже с темными переходами и лестницами» устроены «дурно, тесно и неудобно»¹¹⁵. И поскольку сановнику предписывалось привести университет в «цветущее состояние», он добивался реставрации или постройки новых корпусов. Преобразование московских зданий совпало с началом военизации университетской жизни. В 1826 году профессор физики М.Г. Павлов и адъюнкт медицины И.К. Тиханович специально были посланы в Петербург для изучения быта местных военных училищ и кадетских корпусов. По привезенным отчетам и рисункам был создан проект Московского университета.

В отчете попечитель подчеркивал четкость выполнения приказа и соответствие полученного результата указанным образцам («перделана сообразно с образцами», «все сообразно привезенным из Санктпетербурга образцам»). Чистота и порядок представлялись воплощением красоты, высшей эстетикой. Отчет буквально пестрит указаниями на это («огромные медные рукомойники красивой формы», «столовая [...] перделана надлежащим и красивым образом»). Судя по описаниям, облагодетельствованные правительством студенты ходили по университету теплыми, широкими и светлыми коридорами, с проведенными под крышу для очищения воздуха трубами и ночными фонарями.

Для «единообразия и удобства в надзоре вне классов» всех воспитанников перевели из разных помещений в «один корпус верхняго этажа главнаго университетскаго строения». Кроме спален там были устроены библиотека, хозяйственные помещения и столовая. Подобно казармам, студенческие комнаты приобрели единый вид: железные кровати с номером на спинке, одинаковые зеленые столики и табуреты. Непременным атрибутом декора были икона, зеркало, термометр и еще в рамке вывешивались список жильцов, расписание лекций, рисунки студенческой формы и правила поведения. Такой лаконичный дизайн должен был воспитать определенные культурно-психологические качества у жильцов: нравственность, аккуратность, пунктуальность, привычку к самоконтролю и дисциплине¹¹⁶.

По разным мотивам, но и профессора, и чиновники стремились ограничить движение студента в пространстве города. Профессора хотели защитить воспитанников университетскими стенами от общественных

---

¹¹⁵ Дело об осмотре попечителем Московского учебного округа... // Там же. Оп. 29. Ед. хр. 72. Л. 2 об.

¹¹⁶ Отчет о новом устройнии Московского Университета... // Там же. Ед. хр. 121. Л. 4 об.–5 об.

пороков. Поэтому казенные студенты карались за самовольные отлучки и опоздания после вакаций. Чиновники же больше опасались беспорядков в городе, которые могли создать школяры¹¹⁷. Поэтому попечители не жалели средств, потраченных на изоляцию студентов, их капсулирование в пределах университетского городка. Для этого в нем возводились каменные стены, устанавливались калитки с охраной, вводились пропуска. По этим же соображениям профессор А.Л. Ловецкий разбил «для медицинских студентов сад на Университетском дворе», чтобы им не было нужды ходить в городской Ботанический сад¹¹⁸.

В 1830 году казанский попечитель предписал ректору не выпускать казеннокоштных студентов, пансионеров и полупансионеров из университета в течение недели, а во время учебных дней не позволять посторонним посещать студентов без письменного согласия инспектора. Инспекторский помощник должен был проверять несколько раз за ночь наличие всех студентов в постелях. Своёкоштные воспитанники не имели права посещать комнаты казеннокоштных одноклассников¹¹⁹.

Больше всего чиновников раздражала свобода тех, кто учился за собственный счет и жил вне пределов университетского городка. В 1827 году московский попечитель Писарев предложил передать надзор за ними городской полиции, что и было сделано¹²⁰. Своёобразной кульминацией в стремлении локализовать не только казенных, но и своёкоштных студентов (1831), избавить университетские города от влияния на них студенческой вольницы, была идея аренды в Москве специального дома для своёкоштных студентов и слушателей. Предполагалось, что таким образом будет установлен постоянный надзор и наблюдение за этой категорией учащихся тоже.

Главным условием проживания в университетском общежитии было «полное, непрекословное повиновение и послушание», соблюдение чистоты и опрятности в быту, соблюдение утвержденного распорядка дня, «учтливое, скромное и дружеское обращение» с товарищами, «кроткое и тихое» – со служителями. Троекратное нарушение влекло за собой изгна-

---

¹¹⁷ Дело об установлении над своёкоштными студентами надзора местной полиции, 1827–1828 // Там же. Ед. хр. 122. Л. 1–2, 7.

¹¹⁸ Отчет о новом устройении Московского Университета... // Там же. Ед. хр. 121. Л. 7 об.

¹¹⁹ О надзоре за студентами Казанского университета и о поступках их в течение 1830 года, 1830 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 3223. Л. 1–1 об.

¹²⁰ Дело об установлении над своёкоштными студентами надзора местной полиции, 1827–1828 // РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Ед. хр. 122. Л. 1–2, 7.

ние провинившегося. Предполагалось, что у своекоштных студентов не будет выбора: селиться в нем или нет. Отказ карался исключением, даже если был мотивирован отсутствием средств для оплаты. Именно поэтому из университета были исключены 44 человека из 67. Оставшимся 23, поступившим в университет еще до холеры 1830 года, было разрешено доучиться «под особенным надзором»¹²¹.

В 1840-е годы отношение власти к расселению студентов в городском пространстве резко изменилось. Больше, чем городские беспорядки, правительство стала пугать студенческая корпоративность, возможность согласованных действий учащихся. В связи с этим совместное проживание студентов где бы то ни было (даже в стенах университета) представлялось чиновникам более опасным для государственного спокойствия, чем их проживание поодиночке на съемных квартирах и в номерах. Этот перелом зафиксировало, в частности, письмо помощника попечителя Харьковского округа, в котором он просил разрешить «некоторым казеннокоштным студентам, Русскаго происхождения и известным с отличной стороны по поведению, успехам и образу мыслей» жить «на вольных квартирах». Чиновник аргументировал такое решение интересами учебного процесса и студентов¹²². А в 1850-е годы министерские сановники уже открыто говорили об опасности студенческого содружества. В 1856 году казанский попечитель В.П. Молоствов уверял министра, что проживание на частных квартирах будет способствовать «причастности» студента к семейной жизни, что делает их более благоразумными и отвратит от вредных увлечений, «пристекающих от их изолированного положения»¹²³. Казанские студенты были выселены из университета на «вольные квартиры» в 1857 году¹²⁴, а на следующий год появился императорский указ о роспуске всех университетских пансионов и расселении студентов по частным домам¹²⁵.

---

¹²¹ Дело об организации общежития для проживающих на частных квартирах студентов университета с целью подчинения их надзору, 1831–1832 // Там же. Оп. 30. Ед. хр. 5. Л. 1–3, 7–7 об.

¹²² Дело о разрешении казеннокоштным студентам жить на частных квартирах в связи с теснотой в университетских зданиях, 1842 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 171. Л. 1.

¹²³ Об улучшении состояния Казанского университета, 1856 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 7140. Л. 8 об.–10.

¹²⁴ О разрешении казенным студентам Казанскаго Университета жить на частных квартирах, 21 ноября 1857 // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. Т. 3. СПб., 1866. № 298. Стб. 280–282.

¹²⁵ Предложения по поводу Высочайшаго повеления о перемещении на вольныя квартиры казеннокоштных студентов и пансионеров в Университетах: Московском, Харьков-

Еще более строгим, чем над пространством, был контроль университетской администрации и чиновников над студенческим временем. Устав 1804 года предписал профессорам стимулировать в воспитанниках любовь к наукам – «возбуждать прилежание к учебе»¹²⁶. Зная о духе и настроениях той поры, невозможно предположить, чтобы александровские реформаторы думали о мерах принуждения отечественных недорослей сидеть на студенческой скамье. И хотя в реальности профессорские советы столкнулись с низкой заинтересованностью абитуриентов в университетском образовании, в отличие от XVIII века, учащихся не приводили в аудитории в кандалах и не держали под стражей. Другое дело, что однажды зачисленный в казенные студенты молодой человек был вынужден либо выучить тот объем готового знания, который для него приготовили профессора, либо должен был отправиться рекрутом в войска (в Казанском учебном округе это наказание было заменено на еще более тяжелое – назначение учителем в сибирское училище). Сейчас это звучит парадоксально, но тогда в университетах никого не смущало то обстоятельство, что за «недостаточные успехи» и отсутствие прогресса в учебе воспитанник получал назначение на должность учителя¹²⁷.

В отличие от университетской традиции Европы, записавшийся на факультет юноша имел мало шансов изменить свое решение. Такой система университетского обучения стала с 1820-х годов. До этого она была более гибкой. Поначалу футурусы записывались в университет без определения специальности. Конкретное отделение (факультет) они выбирали в течение первого года обучения. По всей видимости, следить за столь динамичной структурой попечителям было непросто. Да и для профессоров она создавала много неудобств, поскольку в условиях свободного выбора слушателями лекторов невозможно было обеспечить равномерную занятость всех преподавателей. Поэтому в 1820 году харьковский совет предложил ввести ограничения на переход студентов с факультета на факультет, обосновывая это необходимостью проучиться по специ-

---

ском, Казанском и Св. Владимира и об упразднении должности Экономов, 5 июня 1858 // Там же. № 331. Стб. 308.

¹²⁶ Устав Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений... Т. 1. № 46. Стб. 287.

¹²⁷ Дело о приеме вновь в университет студента А. Астрелина, отказавшегося занять место учителя в Волчанском уездном училище Харьковской губернии, 1811–1812 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 141. Л. 1–1 об.

альности определенное количество лет¹²⁸. От перебежчиков потребовали прохождения строгого экзамена, а студентам-медикам вообще было отказано в переводах из-за дефицита ученых врачей в империи.

Чем дальше, тем меньше за студентами признавалось право выбора учителя, срока обучения, предметов (кафедр), продолжительности занятий и прочее. Легально студент не мог пропускать неинтересные занятия, отказаться от слабого преподавателя и не был защищен от произвола педагога или университетской администрации. Посещение всех указанных в расписании лекций было обязательным, их пропуск карался тщательно разработанной системой наказаний. Таким образом, университетское образование становилось не результатом добровольного выбора учебных курсов, а рассматривалось современниками как отработываемая повинность для получения государственного документа – аттестата. В этой ситуации многие пришедшие в «храм науки» к «жрецам истины» футурусы переживали разочарование. И оно было тем сильнее, чем выше были ожидания.

Большая протяженность изучаемого времени дает исследователю возможность проследить динамику процессов, увидеть в нем долгосрочные тенденции. В интересующий нас период наблюдается не только закрепление студентов за факультетами, но и затвердевание срока их обучения. В XVIII столетии он был плавающим. Профессора, а не кто иной, определяли сколько, чему и как нужно учить в университете. Они могли обратиться к И. Шувалову с просьбой убедить родителей способных учеников оставить их в университете еще на 3 или 4 года¹²⁹.

Да и потом, несмотря на утвержденное время обучения, профессора могли его сокращать или продлевать по обстоятельствам. Так, в 1767 году юристы просили Конференцию перевести к ним студентов философского факультета, несмотря на то, что они проучились всего год вместо положенных трех. Просьба обосновывалась тем, что на юридическом факультете так мало учащихся, что их число сравнялось с числом профессоров¹³⁰. Через год их прошение было удовлетворено¹³¹.

Устав 1804 года ввел ограничение в три года для всех факультетов, кроме врачебного, обучение на котором длилось четыре года. По уставу

---

¹²⁸ Дело об установлении порядка приема в университет, 1819–1820 // Там же. Ед. хр. 360. Л. 9.

¹²⁹ Документы и материалы... Т. 1. С. 125.

¹³⁰ Там же. Т. 3. С. 85–86.

¹³¹ Там же. С. 155.

1835 года длительность обучения увеличилась на год. Чиновники министерства добивались от университетов соблюдения этих временных границ. Логика бюрократической унификации требовала, чтобы независимо от способностей все студенты одновременно и в одинаковом объеме усваивали переданные им во время лекций знания и доказали факт передачи во время переводных экзаменов. Это повлекло за собой не только игнорирование индивидуальных особенностей учащихся, но и создание иерархии научных дисциплин, распределение их по академическим годам и определение расхода времени, необходимого для их изучения.

Управление словом

В этом контексте менялся статус экзамена в университетском обучении. И поскольку готовых решений у чиновников тоже не было, многие из их предписаний были своего рода пробным камнем, последствия от вбрасывания которого позволяли подготовить более масштабные решения или отказаться от них.

В Московском университете XVIII века годичные, особенно выпускные экзамены служили публичной демонстрацией триумфа наук, занятий профессоров и успехов студентов. Поэтому во время испытаний профессора не только слушали и задавали вопросы, но и говорили пространственные речи, обращенные ко всем собравшимся¹³². Одновременно экзамен был возможностью учителя откорректировать мысли учащихся, выявить и «исправить непорядки»¹³³. Во время экзамена оценивались способности слушателей запоминать, принималось решение о том, чтобы «исключить негодных и заменить более достойными по выбору»¹³⁴, проверялось, «не забыли ли они за время каникул ранее выученное»¹³⁵. За понравившиеся ответы профессора награждали учеников лестными характеристиками, книгами или медалями¹³⁶, которые конференция специально зазывала куратору¹³⁷.

---

¹³² Документы и материалы... Т. 1. С. 59.

¹³³ Там же. С. 62.

¹³⁴ Там же. С. 111.

¹³⁵ Там же. С. 268.

¹³⁶ Там же. С. 103.

¹³⁷ Там же. С. 265.

Тенденции в рассуждениях чиновников и профессоров о назначении экзамена позволяют выявить архивные материалы Харьковского университета, профессора которого не однажды писали и говорили на эту тему. Еще при попытке составить свой собственный устав (1825) среди них разгорелась дискуссия о процедуре проведения переводных испытаний. Большинство совета предлагало придать всему действию ведомственный характер: чтобы студенты сдавали экзамен преподавателю в присутствии декана или других профессоров факультета. Многие профессора предпочитали демонстрировать познания своих слушателей не пришедшей праздной публике, а дружественным и понимающим коллегам. Кажется, только В. Джунковский настаивал тогда на сохранении публичного характера просвещения и экзаменов. Он напоминал коллегам, что испытания студентов демонстрируют публике успехи учащихся и обеспечивают ее доверие к университету, что открытый экзамен сильнее стимулирует юношей отличиться, чем «частное испытание»¹³⁸.

Практика университетской жизни показала, что в том же Харьковском университете довольно быстро произошла трансформация коллегиального экзамена в индивидуальное испытание. Местные профессора попытались узаконить ее в «Правилах для испытания студентов», которые им пришлось писать по требованию министерства в 1839 году. В их версии экзамен представлял своего рода допрос, который лектор устраивал своим слушателям. Предварительно он составлял вопросы по предмету и распределял их по билетам. На переводном экзамене студент отвечал на один или два вопроса, на выпускном – по меньшей мере на три. При затруднениях испытуемый мог «вынуть другой и даже третий вопрос». При этом оценка его познаний полностью зависела от отношения или настроения экзаменатора.

Для ограничения всевластия экзаменатора попечитель С.А. Кокошкин побудил харьковский совет ввести во время «окончательных испытаний» вопросы, требующие письменного ответа. Он полагал, что, с одной стороны, студенческий текст покажет умение выпускника выражать собственные мысли по определенной теме, а с другой – позволит проконтролировать экзаменатора¹³⁹.

---

¹³⁸ Проект устава и штата Харьковского университета... // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 579. Л. 80–80 об.

¹³⁹ Дело о разрешении издавать лучшие сочинения студентов, 1842 // Там же. Оп. 50. Ед. хр. 170. Л. 1–1 об.

В большой перспективе эти споры и предложения были проявлением изменений в понимании социального назначения российского университета. В сознании правительственных чиновников и сервильных профессоров цивилизаторская миссия уже отступила перед утилитарным назначением государственного учреждения – готовить служащих для империи. И если так, то единственным заказчиком и контролером его продукции могло быть только государство в лице министерских чиновников, а отнюдь не публика и не корпорация профессоров. Каждый лектор нес персональную ответственность за знания студентов перед министерством.

По сути, об этом было заявлено в правилах испытаний студентов Петербургского университета, которые в 1845 году министерство разослало для обсуждения в советы Московского, Харьковского и Казанского университетов¹⁴⁰. Там, где бюрократического притеснения профессоров было поменьше, советы бурно отреагировали на этот документ. Так, большинство харьковских профессоров (А.П. Шидловский, А.А. Тон, К.А. Демонс, С.Н. Орнатский, А.И. Палюмбецкий, И.М. Соколов, А.К. Струве, М.Н. Протопопов, П.А. Наранович, И.В. Платонов, Ф.В. Альбрехт, Ф.В. Ган, В.М. Черняев, А.В. Куницын и ректор университета П.П. Артемовский-Гулак) заявили о необходимости сохранения «освященного временем, законом и существенною пользою, коллегиального порядка всех испытаний»¹⁴¹. Они же выступили против отмены переводных экзаменов (как это было сделано в Петербурге).

Коллегиальное проведение экзамена, по мнению харьковчан, демонстрировало официальность процедуры (в противовес единоличному решению преподавателя), обуславливало объективность оценки знаний студентов и информированность всех профессоров о «степени общего умственного развития в учащихся». Для студентов подобный экзамен содержал заряд соревновательности в силу того, что слабые ответы становятся известны всем преподавателям университета и влияют на складывание преподавательского мнения о воспитанниках¹⁴².

И только профессора Г.С. Гордеенков и А.П. Рославский-Петровский согласились с проведением экзамена «в виде общей репетиции в присут-

---

¹⁴⁰ Дело об утверждении правил курсовых и переводных испытаний для студентов университета, 1847–1849 // Там же. Ед. хр. 463. Л. 32 об.–33.

¹⁴¹ Там же. Л. 21 об.

¹⁴² Там же. Л. 18–20 об.

ствии одного преподавателя»¹⁴³. Гордеенков считал, что это меньше травмирует здоровье студентов и не побуждает их подменять регулярные занятия у профессора единовременной подготовкой к испытанию в присутствии других преподавателей¹⁴⁴. А Рославский-Петровский доказывал пользу индивидуального испытания от противного, то есть указывал на вред публичных экзаменов. По его мнению, неверная оценка студентов их лектором «несбыточна», потому как должна порождаться либо невежеством профессора или его пристрастностью. Первая причина недопустима в университете, вторая же противоречит «нравственному значению» профессора, который должен предпочитать «справедливость и общую пользу ложно понимаемым выгодам молодых людей» и «в успехах своих питомцев находит истинную отраду»¹⁴⁵. Посредничество других профессоров между экзаменатором и экзаменуемым ведет к «ослаблению строгости испытаний» и тем самым вредит целям правительства, которое требует от университетских выпускников «основательных познаний»¹⁴⁶.

Вероятно, точка зрения этих профессоров более соответствовала и мнению министерских бюрократов. Но они были наслышаны о негативных следствиях единоличных проверок. Студенты и их родители писали в Петербург о профессорских безумствах, разных прихотях, обвиняли их в мздоимстве. В делах Харьковского учебного округа РГИА отложился целый ряд такого рода сообщений¹⁴⁷. О распространившейся в 1840–1850-е годы практике сбора денег со студентов писали в мемуарах Н.И. Костомаров и Н.Ф. Оже-де-Ранкур¹⁴⁸. Поэтому, выслушав мнения сторон, министр подписал приказ о коллегиальной форме экзаменов.

До введения министерством шестизначной универсальной системы оценок (1837) в российских университетах и прочих учебных заведениях использовались описательные характеристики воспитанников¹⁴⁹. В ню-

---

¹⁴³ Дело об утверждении правил курсовых и переводных испытаний для студентов университета, 1847–1849 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 463. Л. 21 об.–22.

¹⁴⁴ Там же. Л. 22.

¹⁴⁵ Там же. Л. 24–24 об.

¹⁴⁶ Там же. Л. 28–28 об.

¹⁴⁷ Напр.: Об увольнении и предании суду профессора Р.Х. Дабелова, 1843 // РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Ед. хр. 215. Л. 4–4 об.

¹⁴⁸ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 183; Оже-де-Ранкур Н.Ф. Указ. соч. С. 265.

¹⁴⁹ Система оценки знаний и поведения учащихся баллами зародилась в иезуитских школах в XVI–XVII веках, где она использовалась взамен телесных наказаний. В Новое время эта система перешла в западные университеты. В Пруссии оценочная система состояла из трех баллов, каждый из которых обозначал разряд, к которому относили уче-

ансах их синонимов разбирались, вероятно, только сами преподаватели. Сегодня разница между использованными тогда определениями трудноуловима: «очень хорош», «отлично хорош», «примерно хорош», «весьма хорош», «довольно хорош». К положительным оценкам нередко прилагалось определение «изрядно». В. Даль записал, что это слово меняло свое значение с «из ряда вон хороший, отличный, превосходный» до «довольно хороший, порядочный, недурной, годный, между хорошим и средственным»¹⁵⁰. Кроме этого, профессора любили слово «прилежно», понимая под ним способность «трудиться усердно, ревностно заниматься, старательно работать, особенно умственно»¹⁵¹.

Для оценки поведения учащихся преподаватели применяли определения «превосходен», «отличен», «успешен», «успевает», «изряден», «примерен», «слаб», «посредственен», «очень посредственен», «не худ», «мало [занимается]», «внимателен», «старателен», «смышлен», «прилежен», «скромн», «тих»¹⁵². Высшим поощрением студенческого поведения служило определение «благонравен». По этому набору видно, что профессоров интересовали персональные качества и свойства личности воспитанников.

О том же свидетельствуют ведомости Петербургского главного педагогического института за 1807 год. В них все учащиеся были отнесены к воспитанникам «хорошего поведения, которые ни с какой худой стороны не замечены, но в них обнаруживается какой-либо характер», а именно: «вспыльчив», «ветренный», «внешность имеет грубую», «малодушен, может быть и потому, что прежнее свое состояние очень помнит»,

---

ника по его успеваемости (лучший, средний или худший). Причем баллы показывали место ученика среди других его сверстников, а не уровень познаний учащихся. В духовных учебных заведениях России распространена практика развернутых характеристик ученика. Очевидно, она воспроизводилась в отечественных университетах и гимназиях александровской эпохи. В словесных характеристиках отражался характер личных усилий учащихся и эмоциональное отношение наставника к своему воспитаннику.

¹⁵⁰ Словарь Владимира Даля [Электронный ресурс]. URL: <http://slovardalya.ru/description/izriadnyi/11553> (дата обращения: 08.11.2010)

¹⁵¹ Словарь Владимира Даля [Электронный ресурс]. URL: <http://slovardalya.ru/description/prilegat/33030> (дата обращения: 08.11.2010)

¹⁵² Рапорты профессора Эрдмана... // НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Ед. хр. 61. Л. 8; Рапорты профессоров университета о занятиях, проведенных со студентами университета. Списки студентов, 1815 // Там же. Ед. хр. 227. Л. 5 об, 6 об, 7, 8 об., 27, 37, 41; Рапорты Инспектора Яковкина о занятиях профессоров и об учениках Казанской гимназии и студентах Казанского университета за 1808 год, 1807–1808 // Там же. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 273. Л. 11–14, 30–33.

«ропотлив и неуступчив», «жив», «очень прост и потому был употребляем другими»¹⁵³. Сквозь это разнообразие и богатство форм словесного поощрения и порицания просматривается патерналистский характер отношений учащихся и учащихся в российских университетах 1810–1820-х годов.

Иначе профессора описывали успехи учащихся в науках. Каждый лектор подавал в университетский совет список записавшихся к нему слушателей, разделив их на группы или разряды. Так, экстраординарный профессор Казанского университета А. Лубкин в 1814 году выделил четыре категории студентов («лучшие», «сомнительные», «мало-надежные», «совсем неизвестные»¹⁵⁴), а на следующий год разделил их на «лучших и успешнейших», «довольно изрядных», «средственных» и «неизвестных»¹⁵⁵. В том же году профессор всемирной истории И.Г. Томас делил студентов на «очень хороших», «хороших» и «изрядных»¹⁵⁶. Очевидно, в его случае это был прямой перевод на русский язык взятых из практики прусских университетов латинских «*meliore*s» (лучшие, хорошие), «*mediocres*» (средние), «*debiliores*» (слабые)¹⁵⁷. Главными критериями распределения по группам являлись посещение лекций и готовность к экзамену. Во все времена профессора не любили студентов, стремящихся «опускать классы».

От имени правительства М.Л. Магницкий ввел более дробное деление студентов по поведению и успехам: «отличные», «весьма хорошие и хорошие», «нововступившие или испытываемые», «посредственные», «исправляемые», «под особым надзором находящиеся»¹⁵⁸. Под пером реформатора бюрократического языка («делового слога») эти «градусы» выстроились в лестницу нравственного и умственного восхождения. С одной стороны, казанский попечитель любил получать в письмах от профессоров пространные характеристики воспитанников. А с другой стороны, он же стремился объективировать оценки профессоров и сделать их единообразными, то есть создать понятный чиновникам и управляемый уни-

---

¹⁵³ Отчеты и предложения смотрителя об улучшении поведения студентов, 1807 // ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 27.

¹⁵⁴ Рапорты профессоров университета... // НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Ед. хр. 227. Л. 6 об. – 7.

¹⁵⁵ Там же. Л. 5 об.

¹⁵⁶ Там же. Л. 37.

¹⁵⁷ Там же. Л. 24.

¹⁵⁸ Приложение к делу о ревизии Казанского университета и гимназии... // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Ед. хр. 205. Л. 13.

верситетский язык. Заботясь о контроле над воспитанием студентов, он ввел в университете «книги о поведении и нравственных качествах» учащихся. Инспектор студентов должен был вписывать туда «время нахождения в университете», «характер», «благочестие», «образ мыслей» и «наружное поведение» воспитанника¹⁵⁹. Всё это предоставлялось для сведения чиновников Главного правления училищ.

Ситуация с оценками изменилась в 1837 году после введения шести-значной системы. Она далеко не сразу была принята профессорами. Спустя два года после ее введения харьковские профессора предлагали министерству оценивать успехи воспитанников по следующей словесной шкале: «худо, средственно, хорошо, очень хорошо, превосходно». На что С.С. Уваров поставил резолюцию: «Отметки, показывающие степень успехов, должны быть означаемы цифрами: 0 (совершенное незнание), 1 (слабые), 2 (посредственные), 3 (достаточные), 4 (хорошие), 5 (отличные успехи)»¹⁶⁰. Подобная оценочная система просуществовала в российских университетах до 1917 года.

То, насколько ценился профессорами и попечителями вновь приобретенный способ ранжирования студентов, свидетельствует казус из истории Московского университета. На переводных экзаменах 1848 года профессор-медик Г.И. Сокольский по предмету «психиатрия» поставил 67 студентам (26 казенным и 41 своекоштному) «одну отметку 5». Попечитель счел это вызовом и сообщил в министерство об «оскорбительных и вредных» действиях как по отношению к студентам (сильные чувствуют себя обиженными, а слабые лишаются стимула), так и в отношении коллег (которые предстают перед воспитанниками в невыгодном свете как несправедливые и неблагонамеренные). Министр тоже посчитал поступок Сокольского демонстрацией неуважения к «законному порядку» и «умышленным стремлением унижить в глазах Студентов и Публики установленные начала». Всё это стало основанием для его исключения из профессорской корпорации¹⁶¹. Вероятно, таким образом выраженный протест против нормирования университетского обучения был

---

¹⁵⁹ Приложение к делу о ревизии Казанского университета и гимназии... // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Ед. хр. 205. Л. 19.

¹⁶⁰ Дело об утверждении правил для испытаний студентов университета, 1839 // Там же. Оп. 50. Ед. хр. 16. Л. 3 об.

¹⁶¹ Дело по обвинению ординарного профессора Г.И. Сокольского в завышенной оценке знаний студентов 4 курса Медицинского факультета по психиатрии, об увольнении его и назначении на его место Н.С. Топорова, 1848–1849 // Там же. Оп. 34. Ед. хр. 11. Л. 1–2 об, 5–5 об.

настоящей причиной его увольнения, а не острота, отпущенная в адрес попечителя Д.П. Голохвастова, как утверждают биографы Сокольского¹⁶².

О том, что чиновники не рассматривали университетское обучение в качестве самоценной возможности удовлетворения потребности в знаниях, свидетельствуют их меры по возрастному нормированию студентов. Так, если в александровскую эпоху внимание профессоров и чиновников министерства было сосредоточено на способности футурусов слушать лекции, то в николаевское правление для бюрократов всё более важными становятся формальные показатели. Согласно бюрократическому представлению о прямой связи между биологическим возрастом и умственными способностями, важно было определить подходящий для учебы возраст и тем самым получить единую возрастную группу учащихся. Такой унитарный подход отразился на правительственных решениях о возрастных ограничениях для учебы в университете.

В течение исследуемого времени с университетских скамей ушли недоросли. В 1805 году в списке студентов, которые через год смогут стать учителями, были указаны «малолетние» (от 12 до 15 лет). Директор Казанского университета И.Ф. Яковкин предлагал еще какое-то время поддерживать их в университете. Нормальным возрастом для университетского выпускника и для поступления на учительскую службу тогда считались 17–19 лет¹⁶³. В 1823 году казанский ректор Г.Б. Никольский опровергал подозрения министерских чиновников относительно обучения 11–12-летних студентов: «Правда, что есть из числа принятых недовольно зрелые, но моложе 14 лет нет никого»¹⁶⁴. В 1825 году харьковские профессора согласились с мнением местного попечителя, что студент не может быть моложе 16 лет¹⁶⁵. А в 1827 году казанский попечитель М.Н. Мусин-Пушкин потребовал не зачислять в университет юношей младше 17 лет¹⁶⁶.

---

¹⁶² Бородулин В.И., Тополянский В.Д. Лишний человек [Электронный ресурс]: доктор Г.И. Сокольский в Москве середины XIX века. URL: http://hist-med.gumer.info/?page_id=43 (дата обращения: 08.11.2010).

¹⁶³ О студентах, которые по прошествии года могут занять учительские места, 1805 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 2–3.

¹⁶⁴ Письмо ректора Казанского университета Г.Б. Никольского попечителю М.Л. Магницкому (черновик), 29 ноября 1823 // ОРК НБЛ КФУ. № 4019. Л. 66 об.

¹⁶⁵ Проект устава и штата Харьковского университета... // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 579. Л. 48.

¹⁶⁶ По предложению Господина Исправляющего дела Попечителя о непринятии в Студенты воспитанников Духовных Семинарий... // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 2279. Л. 8 об.

В 1834 году, по желанию помощника попечителя Харьковского учебного округа А.Н. Панина, данное ограничение было распространено и на Харьковский университет¹⁶⁷.

Намеренно делая студентов старше, профессора не считали их своими младшими коллегами. Министерские предписания настоятельно советовали преподавателям относиться к воспитанникам как к не вполне дееспособным людям¹⁶⁸. Сам император Николай называл студентов «детьми»¹⁶⁹, а министры твердили о «несовершеннолетии» университетских воспитанников, невзирая на их индивидуальный возраст¹⁷⁰. Такой патернализм легитимировал насильственную заботу государства и контроль чиновников за всеми сферами жизни университетских воспитанников. Осмысляя впоследствии отношение николаевских чиновников к студентам, попечитель Г.И. Филипсон писал: «... во весь этот период, 1835–1857, на студентов смотрели как на несовершеннолетних воспитанников, для которых нужна подробная дисциплинарная регламентация и строгий надзор за их нравственностью, поведением и даже за исполнением религиозных обязанностей...»¹⁷¹.

Итак, классический принцип «свободы обучения» в российских университетах был перекодирован в принцип «социального проектирования». Это произошло в силу низкой социальной потребности в университетском обучении, с одной стороны, и в силу настроения правительства на создание общества, с другой. Во всяком случае, такими были обстоятельства, в которых в первое десятилетие XIX века происходило становление отечественной университетской культуры.

В дальнейшем ситуация в России стала более благоприятной для реализации идеалов немецких реформаторов университета. Введение возрастных ограничений способствовало взрослению студентов. А расширение сети гимназий и улучшение образования в них дало университетам интеллектуально развитых абитуриентов, сделало возможным конкурс

---

¹⁶⁷ Дело по ходатайству помощника попечителя Харьковского учебного округа о приеме в университет лиц не моложе 17-летнего возраста, 1834 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 948. Л. 1.

¹⁶⁸ Ничпаевский Л. Указ. соч. С. 86.

¹⁶⁹ Шрамченко Н.А. Указ. соч. С. 171. Император сказал: «Старайтесь, дети, правительство о вас печется, а отечество ожидает хороших плодов».

¹⁷⁰ Предписание /конфиденциальное/ Министра народного просвещения... // РГИА. Ф. 733. Оп. 34. Ед. хр. 3. Л. 2–2 об.

¹⁷¹ Дело об отказе удовлетворить ходатайство... // Там же. Оп. 50. Ед. хр. 1251. Л. 24 об.

среди них. Как следствие, в 1830-е годы профессора получили подготовленных и мотивированных слушателей.

Однако изменение студенчества не отразилось на его статусе в университетской корпорации. Как и прежде студент остался «младшим» (не коллегой, а воспитанником), объектом учебного процесса, материалом для созидания. Более того, с каждым годом министерские чиновники усиливали опеку и контроль, неумолимо разрабатывали средства дисциплинарного воздействия на учащихся, а многие преподаватели устарились от общения и сотрудничества с ними. В результате университетская корпорация оказалась разбитой на два противостоящих друг другу лагеря – учащихся и учащихся, взаимоотношения которых регулировали университетские и министерские чиновники.

Бюрократическое представление о стабильности как консервации существующего порядка породило игнорирование изменений, в том числе незамечание очевидной смены культурно-психологического типа студенчества. А между тем отстранение профессуры от воспитания учащихся и искусственный патернализм по отношению к взрослым людям способствовали рождению протестных настроений в студенческой среде. В результате государственная власть получила не верноподданных интеллектуалов, а «университетский вопрос» – комплекс политических противоречий, сопровождающихся обструкциями, срывом занятий и волнениями студентов, с одной стороны, и политикой стигмации («наклеивания ярлыков-обвинений»), с другой.

Vishlenkova, E. “Reproduction of the similarities” in the Russian universities during the first half of the XIXth century : Working paper WP6/2011/04 [Text] / E. Vishlenkova, K. Ilyina ; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. – 52 p. – 150 copies.

In the given article attention is focused on such aspects of university corporations forming as the paths of recruiting and the ways of students education and their disciplining in Russian imperial universities in the first half of the XIX century. The research has been conducted in the university archives of Kazan, Moscow and Kharkov and the archive of the ministry of national education, with involvement of published memoirs. The authors have defined changing criteria of entrants selection, of estimation of students knowledge and behavior, of heir punishment and encouragement. Due to this some didactic ideals of the professors came to light, along with their views on university education purposes and their own social mission.

Препринт WP6/2011/04
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Вишленкова Елена Анатольевна, Ильина Кира Андреевна

**«Воспроизводство себе подобных» в российских
университетах первой половины XIX века**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Корректор *О.С. Большова*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета

Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,2

Усл. печ. л. 3. Заказ № . Изд. № 1360

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Тел.: (499) 611-24-15